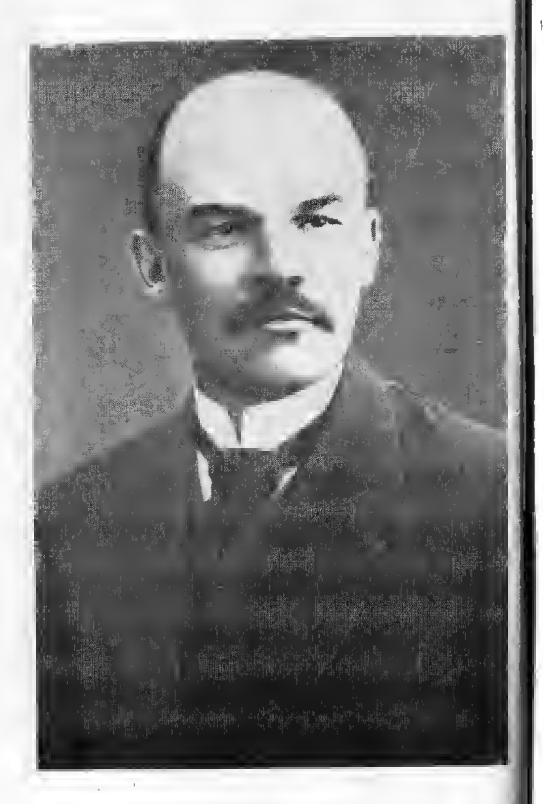

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБКОМА КПСС—
ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

А. Я. ВЕЛИКАНОВА, Б. П. КОНДРАТЬЕВ, Г. А. ПОЧЕБУТ

НА ПУТИ КО ВТОРОМУ ШТУРМУ

Большевики Петрограда между двумя революциями (1907 г.—февраль 1917 г.)

ЛЕНИЗДАТ · 1974

думы. (Суд проходил с 21 ноября по 1 декабря 1907 года.) Предвидя усиление репрессий, конференция приняла решение, что если она впредь по какой-либо причине собраться не сможет, то Петербургский комитет, остающийся в качестве руководящего органа, будет избираться на районных конференциях [37].

Следующее заседание конференции, назначенное на 24 ноября, созвать не удалось. Прокатилась новая волна повальных обысков и арестов.

9 декабря в Куоккале состоялось совместное заседание ЦК и ПК, которое приняло решение распустить общегородскую конференцию. Было высказано мнение, что пока, на время реакции, придется несколько изменить технику и практику партийной работы. Нечего было и думать в тех условиях собирать тот в высшей степени представительный коллектив, каким являлась общегородская конференция.

Прекращение деятельности общегородской конференции и передача ее функций Петербургскому комитету было актом вынужденным, вызванным наступлением реакции. Тем не менее оппортунистические элементы по этому поводу, как писала газета «Пролетарий», могли «легко поднять крик о подпольной «кружковщине», о «недемократичности» и т. д. Но крики эти явно бездельные. Ни в массовых провалах, ни в том, что живая работа стоит за отсутствием помещений для собраний, равно ничего демократического нет» [38].

Петербургский комитет также подвергался полицейским атакам. Наиболее серьезный ущерб был нанесен составу ПК, избранному на конференции 3 сентября 1907 года.

В ночь на 29 сентября были арестованы секретарь Петербургского комитета Т. И. Попов, член ПК В. В. Гомберг (Ингульский) и несколько активных партийных работников П. Ф. Коломанов, Ф. и А. Васильевы, Р. Н. Кирсанов, И. Е. Яковлев и Г. А. Равелин. При обыске у Попова был обнаружен архив Петербургского комитета.

Не успел ПК оправиться от этого удара, как 10 ноября 1907 года последовал арест всех членов ПК, собравшихся на очередное заседание (Лодейнопольская ул., 12, кв. 27). Полицией были схвачены Н. Н. Батурин, В. С. Венгеров, Р. С. Землячка, В. М. Зябкин, П. У. Илинич, М. П. Комарова, И. А. Коновалов,

В. М. Каспаров, Б. С. Розенберг, В. Я. Рудановский, М. П. Томский, Е. И. Чистяков, Ф. Г. Чучин [39].

Новый ПК, избранный в конце 1907 года, сильно отличался по своему составу от предыдущих: его большинство составляли рабочие, интеллигентов насчитывались единицы, меньшевиков не было вообще. Это последнее обстоятельство объясняется тем, что меньшевистские организации в районах быстро таяли, меньшевики поспешно покидали нелегальные партийные организации, избрав ареной своей деятельности легальные организации. С этого момента в течение всего периода реакции в ПК не было ни одного меньшевика. Лишь осенью 1909 года в ПК на короткое время ввели меньшевиков-плехановцев.

Петербургский комитет, учитывая изменившуюся обстановку, разработал план своей временной реорганизации. Для лучшей конспирации предполагалось сократить численность исполнительных органов. Теперь Петербургский комитет должен был состоять из 15—18 человек, которые избирались бы районными конференциями пропорционально числу членов партии по норме, определенной Петербургским комитетом. Общегородская конференция должна была обсудить этот план реорганизации. Из этого плана видно, что ПК пытался все еще строго придерживаться принципа демократического централизма и рассчитывал на созыв общегородской конференции.

С начала 1908 года и в дальнейшем весьма положительную роль в укреплении нелегальной организации стали играть проходившие время от времени межрайонные собрания рабочих-большевиков. Возникновение института межрайонных рабочих собраний являлось характерной чертой того времени.

В конце 1907 года и начале 1908 года остро встал вопрос о замене выбывших интеллигентов, занимавшихся организационной и пропагандистской работой.

Выбранный в конце 1907 года ПК в подавляющем своем большинстве состоял из рабочих. Ответственным организатором ПК в это время был избран А. М. Буйко, слесарь Путиловского завода, член партии с 1904 года. К этому времени он перешел на положение профессионала и все свои силы и энергию отдавал партийной работе. В своих воспоминаниях А. М. Буйко писал: «В 1907 году почти во всех районах Петербурга выде-

лились отдельные рабочие, выполнявшие партийную работу. Они вели кружки первоначальной пропаганды, писали партийные листовки по вопросам рабочей жизни, разъясняли политические задачи, стоявшие перед рабочим классом и нашей партией. Часть из них стояла близко к руководству всей районной работой и была тесно связана с Петербургским комитетом нашей партии. Всю агитационную, пропагандистскую и организаторскую работу пришлось взвалить на свои плечи этой рабочей интеллигенции. Бывали случаи, когда районные газеты и листовки не имели ни одного сотрудника-интеллигента, обслуживаясь исключительно рабочими» [40].

Эта рабочая партийная интеллигенция училась самостоятельно находить ответы на выдвигаемые жизнью вопросы. Но ей не хватало теоретических знаний, практических навыков руководства, она не прошла сложной и длительной школы конспирации.

Подготовка и воспитание новых руководящих кадров из числа рабочих были одной из важнейших задач, которые партия успешно решила за годы реакции. В живой, практической работе, в борьбе против правых и «левых» оппортунистов, используя помощь оставшихся верными партии интеллигентов, выковывался тип рабочего-большевика, успешно руководившего всей партийной работой. В. И. Ленин в конце 1910 года отмечал, что «новый тип социал-демократического рабочего, берущего партийные дела в свои руки, уже народился...» [41].

В Петербургской организации процесс замещения интеллигентов передовыми рабочими, начавшийся в конце 1907 года, закончился в основном уже к лету 1908 года. Подводя итоги этой перестройки, газета «Пролетарий» писала, что «в этом отношении организация за последние 8—9 месяцев пережила настоящую революцию» [42].

Эта перестройка проходила в невероятно трудных условиях. Зимой 1908 года Петербургская организация пережила новую серию провалов, массовых арестов. Особенно пострадали районные партийные органы, районный актив. В Петербургском, Московском, 2-м Городском, Окружном, Ремесленном, Железнодорожном районах партийная работа замерла на несколько месяцев, а в последних трех районах прекратилась совсем. В Выборгском, Невском и Нарвском районах она была сильно ослаблена. Хорошо шла работа лишь в 1-м Городском и Василеостровском районах, партийным организациям которых удалось избежать повальных арестов.

Однако к лету 1908 года стала налаживаться работа и в других районах.

В некоторых из них начали работать исполнительные комиссии, взявшие на себя функции райкомов, кое-где были собраны районные конференции или районные собрания. Во всех районах сохранились первичные ячейки на заводах и фабриках. К этому времени стало ясно, что ни в Финляндии, ни в окрестностях Петербурга невозможно собрать сколько-нибудь большое собрание или конференцию, настолько усилились полицейская слежка и провокации. В связи с этим районные конференции постановили передать права общегородской конференции Петербургскому комитету. ПК было решено выбирать на районных конференциях — каждый район посылал в Петербургский комитет по два представителя. В силу сложившихся обстоятельств были сделаны некоторые отступления от принципа демократического централизма.

Уже дважды после крупных арестов сохранившаяся часть исполнительной комиссии ПК пополняла свой состав путем кооптации. Это был единственный способ вести работу без перерыва. И в обоих случаях ПК утверждал эти действия исполнительной комиссии. Подобное положение сложилось и в районах. Учитывая все это, Петербургский комитет летом 1908 года (примерно в начале июля) постановил:

1. В случае провала части состава ИК ПК она *пополняется кооптацией. Кооптированные члены представ*ляются на утверждение ближайшего заседания ПК.

2. В случае провала части состава районной ИК она также кооптируется и утверждается районной конференцией.

3. Если в районной ИК останется менее трех членов, то они пополняют состав районной ИК совместно с сохранившимися подрайонными учреждениями, а при их провале совместно с представителем ИК ПК. На пополненной при помощи кооптации ИК лежит обязанность по возможности немедленно созвать районную конференцию.

4. В случае провала всех районных учреждений районная исполнительная комиссия, впредь до выборов и

созыва новой районной конференции назначается исполнительной комиссией ПК.

Более того, кооптированным в исполнительную комиссию товарищам и утвержденным Петербургским комитетом предоставляется право решающего голоса на заседаниях ПК. До этого все приглашенные имели в ПК лишь совещательный голос; только выборные от общегородской конференции или потом, от районов, имели право решающего голоса.

Это последнее изменение имеет принципиальный характер. Ранее действия ПК контролировались лишь общегородской конференцией. Но поскольку теперь ее права передавались самому ПК, то кооптация, проводимая Петербургским комитетом, уже никем не контролировалась. Принцип выборности руководящего учреждения, таким образом, нарушался. ПК теперь состоял частью из выборных от районов, частью из кооптированных этими выборными. То есть состав ПК теперь не находился в прямой зависимости от широкой массы членов партии. Газета «Пролетарий», сообщив своим читателям об этой реорганизация, писала: «Мы, большевики, вовсе не являлись никогда сторонниками организованного демократизма во что бы то ни стало. Мы всегда были сторонниками демократического централизма, организационного демократизма, основанного на выборности руководящих учреждений, контролируемой самой широкой гласностью. Между тем основное это условие — внутрипарторганизационная гласность становится совершенно невозможна. Цепляться же за формы демократизма, раз они теряют или в корне видоизменяют свое содержание, мы не станем, если противоположного потребуют от нас интересы дела» [43].

Новый опыт организационно-партийной работы в местных организациях РСДРП, сложившийся под воздействием изменившихся исторических условий, был изучен и обобщен V Общероссийской конференцией РСДРП в декабре 1908 года. Конференция исходила при решении организационного вопроса из того, что центр тяжести партийной работы должен быть перенесен на создание и укрепление нелегальной партийной организации. Конференция констатировала, что современные условия работы делают невозможным применение принципа демократического строительства организации в полной мере.

Обращая внимание на использование нелегальных, полулегальных и легальных организаций для работы в массах, конференция подчеркнула, что эта работа будет возможной и плодотворной лишь при том условии, если на каждом промышленном предприятии будут существовать чисто партийные, хотя бы немногочисленные, рабочие комитеты, тесно связанные с массами, и если вся работа в легальных организациях будет вестись под руководством нелегальной партийной организации. Конференция предложила установить самую тесную связь местных организаций с Центральным Комитетом.

Для обеспечения правильного и непрерывного функционирования местных организаций конференция считала допустимым частичное применение принципа кооптации, причем кооптированных членов следовало при первой возможности заменять товарищами, законно выбранными на основании устава. Бросается в глаза, с какой осторожностью рекомендовала конференция пользоваться кооптацией. На местах же к кооптации прибегали более решительно.

Зимой 1909 года партийная работа велась во всех основных районах Петербурга. Так, например, в 1-м Городском функционировала районная конференция и районная исполнительная комиссия. Поддерживались связи почти со всеми предприятиями района, на которых проводилась работа по созданию партийных групп.

В Московском районе работа наладилась с лета 1908 года. Вместо конференции собирались районные собрания (15—20 человек) представителей всех предприятий района. Работала районная исполнительная комиссия. Особенно окрепла организация за лето 1909 года. Во всех подрайонах стали действовать организаторские ячейки, а на заводах — заводские комитеты. Состоялись расширенные собрания районного комитета, на которых был обсужден доклад представителя ПК, выбранного от Московского района. Обсуждался и проект нового устава ПК. Собрания прошли очень оживленно [44].

В Петербургском районе, где партийную организацию совершенно разрушили аресты зимой 1908 года, через год с помощью ПК были установлены связи с заводом «Дюфлон», фабрикой Леонтьева и другими предприятиями, выбран представитель района в ПК.

Василеостровский район к лету 1909 года оставался самым организованным. Только активных членов партии в нем насчитывалось около 200. Регулярно созывалось собрание районных представителей, выполнявшее функции конференции. Оно состояло из представителей заводских групп, организаторов и пропагандистов и насчитывало около 30 человек. На этом собрании избиралась исполнительная комиссия. Рабочие — члены районного собрания вели организационную работу на своих предприятиях. На $^{2}/_{3}$ предприятий района были созданы партийные группы, а на некоторых выбраны заводские комитеты.

В Невском районе действовали районная конференция (12 15 человек) и районная исполнительная комиссия. Активно функционировали партийные ячейки на Александровском, Обуховском, Семянниковском заводах, на фабрике Паля. К лету 1909 года районная организация еще больше укрепилась [45].

В Выборгском и 2-м Городском районах восстановлению партийной работы противодействовали меньшевики-ликвидаторы. В Выборгском районе большевики укрепили свои позиции на Орудийном заводе, на заводе «Лесснер» и на Сампсониевской мануфактуре. Опираясь на них, Петербургский комитет летом 1908 года провел четыре районных собрания, которые избрали представителя в ПК. К лету 1909 года удалось наладить работу во всех подрайонах, восстановить связи с заводами «Нобель», «Парвиайнен», «Эриксон» и рядом других предприятий. На некоторых заводах были оформлены заводские партийные группы, хотя и малочисленные. Несколько раз собиралась районная конференция, была выбрана исполнительная комиссия.

Во 2-м Городском районе Петербургский комитет установил связи с Франко-Русским заводом, Русско-американской резиновой мануфактурой, заводом Калинкина, фабрикой Конради и создал группу активистов из 12 человек для работы в районе [46].

Зимой 1908/09 г. Петербургский комитет поддерживал надежную связь с 27 заводами, на которых имелись первичные ячейки (кружки).

Полицейские репрессии часто прерывали партийную работу в районах или наносили ей серьезный ущерб. Восстановление шло не везде с одинаковым успехом, а иногда партийные организации вообще не удавалось восстановить. Так, надолго прекратилась работа Окружного, Ремесленного и Железнодорожного районов. Однако и там она продолжала вестись на отдельных предприятиях, несмотря на отсутствие связей с районом в целом. Так, например, работа Окружного района прекратилась зимой 1908 года из-за крупных провалов. Однако на Сестрорецком заводе в глубоком подполье осторожно и умело работали А. Н. Павлов — делегат V съезда партии, Н. А. Емельянов и другие большевики. На Ижорском заводе организация была разгромлена в 1908 году. Но А. Ф. Пронин, будучи хорошим конспиратором, избежал ареста и начал восстанавливать ячейку.

Не замерла жизнь и в национальных группах — эстонской и латышской. В эстонском коллективе работой руководили В. Э. Кингисепп и Ян Анвельт, в латышской группе — П. И. Стучка, К. А. Гайлис, А. Я. Бунге и другие.

Ремесленный район распался вследствие арестов к началу 1908 года. ПК на своем заседании 27 февраля 1908 года принял решение не воссоздавать район, а организовать отдельные социал-демократические группы ремесленников и включить их в состав территориальных районов [47].

Наиболее жизнестойкими и активными оказались 8 районов: Василеостровский, Выборгский, 1-й и 2-й Городские, Московский, Нарвский, Невский и Петербургский. Однако и здесь после массовых арестов наступали перерывы в работе. Но даже и в таких случаях в районе оставались первичные, фабрично-заводские ячейки, которые продолжали действовать. Именно благодаря им в дальнейшем удавалось восстановить районные партийные органы и Петербургский комитет. Эти, хотя и немногочисленные, ячейки, уходящие своими корнями в рабочую массу, были как раз той основой партии, которую не могли уничтожить никакие полицейские преследования.

Успешному восстановлению партийных организаций после крупных провалов 1908 года в значительной степени способствовали правильная политическая линия и энергичная работа Петербургского комитета во главе с А. М. Буйко.

Тем чувствительнее был удар, который нанесла царская охранка Петербургской организации арестом

1 марта 1909 года всего состава ПК во время заседания в помещении Психоневрологического института (Невский пр., 104). Были арестованы А. М. Буйко, В. А. Ватин (Быстрянский), К. Н. Самойлова, В. П. Денисов, Н. И. Тетерин, М. И. Бублеев, В. В. Кузьмина, Б. Я. Горин-Гурин, Ш. Л. Альтшуллер, Р. С. Дворцова, И. А. Андреев, Н. А. Бызова, И. В. Сысоев, Н. В. Сорвачев, А. М. Пирейко, А. Ф. Крауклис [48]. Но и этот арест не приостановил работу организации. Сразу же была образована Временная исполнительная комиссия (ВИК) из пяти человек, состав которой был представлен на утверждение ЦК *. Однако на пути воссоздания ПК встретилась специфическая для того периода трудность — боязнь провокаторства. Провокаторство наносило величайший вред не только тем, что являлось причиной арестов, но также и тем, что сеяло подозрительность и недоверие между членами партии, тормозило налаживание партийных связей. Появилось недоверие «низов» к «верхам», так как проваливались руководящие партийные органы, и это наводило на мысль о проникновении провокатора в самое сердце организации. Это подозрение оказалось обоснованным, потому что причиной ареста ПК 1 марта, как и многих других серьезных провалов, была провокаторская работа Серовой — агента охранки, пробравшейся на пост секретаря ПК и в техническую группу Русской части ЦК. При этом сыграло свою роль сенсационное разоблачение провокатора Азефа — руководителя Боевой организации эсеров. Все это вместе взятое сильно дезорганизовало партийные ряды. Временная исполнительная комиссия приняла решение — расследовать причины последних провалов и привлекать к партийной ответственности всякого, кто выдвинет необоснованное обвинение в измене. Благодаря этому напряженная обстановка постепенно разрядилась.

До выборов нового состава ПК Временная исполнительная комиссия взяла на себя руководство Петербургской организацией. Большой интерес представляет деятельность ВИК в области организационной. Вот что писал 1 апреля 1909 года в Большевистский центр секретарь ВИК *: «В ближайшем будущем ИК приступит к выборам ПК. В настоящее время ИК постановила ставить на районных конференциях в порядок дня вопрос о порядке выборов РК. Со своей стороны ИК будет стремиться проводить порядок, выработанный ею и который является изменением прежнего способа образования ПК. Во-первых, от каждого района не два представителя, а один. Представители выбираются не районной конференцией, а назначаются исполнительными комиссиями районов. Эти изменения вызываются, с одной стороны, соображениями о необходимости больше законспирировать руководящий центр, чем это было при старом порядке выборов, когда члены ПК от районов были известны всем работникам района, с другой стороны, стремлением создать более подвижный центр (8—10) вместо громоздкого и неработоспособного прежнего (17—18), при котором фактически руководство организацией осуществлялось исполнительной комиссией из 5 человек» [49].

Агент ЦК С. И. Гусев, познакомившийся в это время с работой Петербургской организации, сделал вывод: «Положение пока не из блестящих: хотя в Питере и сейчас есть не одна тысяча рабочих социал-демократов, хотя престиж социал-демократов по-прежнему чрезвычайно высок среди самых широких слоев рабочих — организация до сих пор не смогла настолько приспособиться к новой полосе контрреволюции, чтобы организованно включить в свои руки хотя бы сколько-нибудь широкий слой рабочих социал-демократов. Последняя задача стоит перед ними во всей своей силе» [50].

Именно эту цель — приспособление организационной работы и самой структуры ПК к новым условиям — преследовал новый устав, разработанный вновь выбранным Петербургским комитетом в июне 1909 года. Устав обсуждался на заседании ПК и на районных конференциях или собраниях. Не позднее июля «Организационный устав Петербургского комитета Российской социал-демократической рабочей партии» был опубликован в виде листовки. В этом уставе обобщался двухлетний опыт партийного строительства Петербургской организации РСДРП в условиях столыпинской реакции.

---

* Как удалось установить, первоначально в состав ВИК вошли уцелевшие от ареста члены ПК: А. Е. Васильев, С. Я. Багдатьев и М. И. Хахарев. Затем было кооптировано еще два члена.

* Автором письма вероятнее всего был М. И. Хахарев, который стал секретарем ПК.

В уставе говорилось, что Петербургский комитет — идейный и практический руководитель социал-демократической организации Петербурга. ПК должен избираться исполнительными комиссиями районов или же районными комитетами сроком на шесть месяцев. ПК избирает Исполнительную комиссию из трех человек, которая имеет право кооптировать еще двоих. Собирается он не реже одного раза в три недели. В случае ареста ПК его функции переходят к Исполнительной комиссии, которая и организует выборы в новый Петербургский комитет. Районы в своей организационной деятельности должны быть автономны[51].

Новый устав ПК полностью отражал те изменения в организационном строении партии, которые были продиктованы условиями реакционного режима. Для того чтобы сохранить нелегальную партийную организацию и сделать ее более жизнестойкой по отношению к полицейским репрессиям, партия шла на временное сужение внутрипартийной демократии и усиление централизма. В уставе особенно подчеркивалась роль ПК как практического руководящего органа. При этом не случайно не определена численность ПК. В условиях частых арестов, острой нехватки кадров партийных работников, трудностей в налаживании связей регламентация численности ПК могла бы послужить помехой для его деятельности. На протяжении 1907—1910 годов число членов ПК колебалось в пределах от 8 до 19 человек. Зависело это главным образом от того, сколько районов смогли послать своих представителей в ПК. Из-за бесконечных преследований и арестов состав ПК очень часто обновлялся. Работа в ПК для большинства членов заканчивалась арестом и высылкой.

В ПК кроме Исполнительной комиссии (обычно три человека, редко пять) имелись редакционная комиссия и техническое бюро, ведавшее подпольными типографиями и квартирами для хранения нелегальной литературы. В состав ПК входили представители районов, коллегии пропагандистов, Военной организации.

Петербургский комитет был связан через своих представителей с социал-демократическими студенческой и ученической организациями и с такими нелегальными рабочими организациями, как Центральное бюро профсоюзов, Межклубная комиссия, организация помощи политзаключенным и ссыльным (Красный Крест), а также

с легальными организациями — думской социал-демократической фракцией и советом безработных.

Из-за арестов связь ПК с этими организациями иногда прерывалась. Причем некоторые из них и сами действовали с перерывами или вообще существовали сравнительно короткое время.

Так была построена Петербургская организация РСДРП на основе организационного устава, принятого летом 1909 года.

Летом 1909 года в ПК входило восемь человек: С. Я. Багдатьев, А. Е. Васильев, В. М. Федоров, Г. А. Усиевич, М. И. Хахарев, В. Ю. Юнгмейстер, В. О. Волосевич, А. А. Поляков. Некоторые из этих членов, опасаясь ареста, уехали из Петербурга, и вместо них кратковременно работали Г. И. Ломов, Ф. И. Калинин, Ф. И. Голощекин.

В начале ноября состоялись очередные перевыборы ПК. В него вошли С. Я. Багдатьев, Г. С. Вейнбаум, В. М. Федоров, И. З. Левинсон, Н. Н. Рейнгорд, Ф. А. Селицкий, И. Я. Панфилов, Н. Е. Иванов, Г. А. Усиевич, Д. И. Присецкий, И. П. Сесицкий * и Панин — автор письма в Большевистский центр, непримиримый противник отзовистов **.

В первом составе ПК четыре члена из восьми оказались отзовистами. В Исполнительной комиссии были одни отзовисты. Во второй состав вошло шесть отзовистов и пять большевиков-ленинцев. Но в Исполнительную комиссию удалось провести только одного большевика-ленинца. Вот как описывает перевыборы ПК один из его членов: «Так как ПК произвольно перетасовывал наши силы и не давал нашим работникам средств даже на разъезды, то им удалось вырвать у нас один район и тем самым получить твердое большинство в ПК»[52].

---

* Как выяснилось впоследствии, Поляков и Сесицкий оказались провокаторами.

* До последнего времени эта фамилия считалась псевдонимом. По нашему мнению, «Панин» — это Н. Н. Панин, рабочий Путиловского завода, отбывавший вместе с В. И. Лениным ссылку в Сибири по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», один из 17-ти подписавших «Протест русских социал-демократов» против «экономистов». В годы реакции он работал и жил за Невской заставой по нелегальному паспорту. Поэтому он мог безопасно подписать письмо в Большевистский центр своим настоящим именем, надеясь, что В. И. Ленин и Н. К. Крупская догадаются, кто им пишет. Об этом есть намек и в самом письме.

Так как к этому времени в составе ПК и его Исполнительной комиссии не осталось ни одного меньшевика, то они предъявили ПК обвинение в «самозванстве». Они собрали свою «конференцию», в которой участвовало восемь «представителей» от районов. В действительности же это было просто собрание меньшевиков разных районов Петербурга. Собиралась эта «конференция» несколько раз, но переизбрать Петербургский комитет она так и не решилась.

Осенью 1908 года ликвидаторы предприняли новую атаку. 14 меньшевиков Петербургского района выбрали 3 своих представителей в ПК. То же самое проделали 12 меньшевиков Выборгского района. Петербургский комитет не признал эти выборы законными, так как в этих районах давно существовали районные партийные организации, которые и посылали своих представителей в ПК. Меньшевики могли участвовать в выборах ПК лишь в том случае, если вошли бы в эти организации [77].

Дезорганизаторская деятельность меньшевиков в местных организациях партии скоро дополнилась походом их против Центрального Комитета.

Летом 1908 года видные деятели меньшевиков Мартынов и Горев обратились к меньшевистским организациям с письмом, в котором утверждали, что ЦК партии в таком виде, в каком он существовал до сих пор, не нужен; его следует распустить и заменить «информационным бюро». ЦО меньшевиков «Голос социал-демократа» публиковал резолюции меньшевистских групп из ряда мест России о ненужности восстановления и укрепления подполья. С этим предложением меньшевики выступили на августовском пленуме ЦК, проходившем в Женеве под председательством В. И. Ленина. Ленину и его сторонникам удалось отстоять ЦК и провести решение об организации работы Центрального Комитета в новых условиях. Для ведения всей текущей работы в России между пленумами ЦК был выбран суженный состав ЦК из пяти человек, облеченный всеми правами пленарного состава ЦК. Для работы партии за границей было создано Заграничное бюро ЦК из трех человек, подчиненное узкому составу ЦК.

Следующее серьезное поражение меньшевики-ликвидаторы потерпели на Парижской конференции в декабре 1908 года. Конференция констатировала, что некоторая

часть партийной интеллигенции предпринимает попытки ликвидировать существующую организацию РСДРП и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиций партии. «Конференция находит необходимым, — указывалось в ее резолюции, — самую решительную идейную и организационную борьбу с ликвидаторскими попытками и призывает всех истинно партийных работников без различия фракций и направлений к самому энергичному сопротивлению этим попыткам» [78]. Конференция на основе предложений В. И. Ленина приняла резолюцию по организационному вопросу, которая рекомендовала строить и укреплять нелегальные ячейки и местные комитеты, партийные группы в легальных организациях, готовить руководителей из рабочих, сплачивать все действительно партийные элементы.

При разработке организационного вопроса конференция опиралась на опыт Петербургской, Московской и других организаций, которые уже проводили перестройку своих рядов применительно к новым условиям.

Решения конференции стали сильнейшим оружием большевиков в их борьбе против оппортунистов за сохранение и упрочение нелегальной партийной организации. Эти решения сыграли большую положительную роль в отколе части меньшевиков от ликвидаторов и переходе их на позиции защиты партии. Вскоре после конференции против ликвидаторов выступил Г. В. Плеханов, став идейным вождем меньшевиков-партийцев, считавших необходимым сохранить нелегальную партию.

Еще до конференции, на протяжении всего 1908 года, когда большевики вели активную агитацию среди рабочих-меньшевиков против ликвидаторов, призывая их к совместной работе, заметно выявилась тенденция к сближению всех партийных элементов, стоящих на платформе сохранения нелегальной партийной организации.

В Московском районе Петербурга существовала единая партийная организация, где большевики и меньшевики-партийцы работали сообща. В Невском районе меньшевики-партийцы принимали участие в работе районной нелегальной организации. Меньшевики Василеостровского района настойчиво добивались объединения с большевиками. В Петербургском районе было принято

решение объединить заводские группы и провести совместные выборы в районное собрание и исполнительную комиссию[79].

Группа меньшевиков Выборгского района обратилась с письмом к своим товарищам по фракции, в котором призывала объединиться в рядах нелегальной РСДРП, не покидая своей работы в легальных организациях. Это письмо было опубликовано в № 45 «Пролетария» в мае 1909 года. Редакция приветствовала этот шаг меньшевиков-партийцев. Иную оценку ему дали меньшевики-ликвидаторы. Ликвидаторский «Голос социал-демократа», писал В. И. Ленин, «на чем свет стоит ругает выборжцев, ругает самыми худыми словами — можете себе представить? в меньшевистском органе ругает меньшевиков *большевиками!*»[80].

Сближение меньшевиков-партийцев с большевиками осуществлялось снизу. В тех районах, где в 1908 году уже проявился отзовизм, он стал серьезным тормозом в осуществлении этого сближения. Так было, например, в Василеостровском районе. Временная Исполнительная комиссия ПК в мае 1909 года осудила поведение отзовистов Василеостровского района и указала на недопустимость чинить препятствия меньшевикам-рабочим, желающим работать в нелегальной организации[81].

Письмо меньшевиков Выборгского района Петербурга наряду с фактами раскола меньшевиков в Москве, в редакции меньшевистского «Голоса социал-демократа», выступление Плеханова в защиту партии и другие события свидетельствовали о том, что часть меньшевистской фракции во главе с Плехановым поднимала голос протеста против ликвидаторства и выступала за сохранение нелегальной организации.

Именно так были расценены эти факты на совещании расширенной редакции «Пролетария», состоявшемся в Париже 8—17 июня 1909 года. В принятой на совещании резолюции особо указывалось, что задачей большевиков в партии является не только продолжение борьбы с ликвидаторством и всеми видами ревизионизма, но и сближение с марксистскими и партийными элементами других фракций, как это диктуется общностью целей в борьбе за сохранение и укрепление РСДРП.

Однако сближение большевиков с меньшевиками-партийцами не означало их организационного слияния и сглаживания программных и тактических разногла-

сий. Это был временный блок в интересах сохранения нелегальной партийной организации. В. И. Ленин расценивал блок большевиков с меньшевиками-партийцами как принципиальное «соглашение на основе борьбы за партию и за партийность против ликвидаторства, без всяких идейных компромиссов, без всякого замазывания тактических и иных разногласий *в пределах* партийной линии»[82].

Претворяя в жизнь общепартийные решения и обобщая опыт районных организаций, Петербургский комитет летом 1909 года обсудил вопрос об отношении к меньшевикам и принял развернутое решение «Об единстве». В нем было отмечено, что ликвидаторы своими дезорганизаторскими действиями расстраивают ряды партии. Между тем в условиях, когда в стране свирепствует режим жестокой реакции и силы партии невелики, как никогда нужна единая и сплоченная организация. Петербургский комитет предложил всем, кому дороги интересы партии, войти в ряды единой организации РСДРП и порвать с меньшевистским центром, ибо деятельность этого центра идет вразрез с программой и тактикой партии. Петербургский комитет приветствовал всех, кто порвал с ликвидаторами и стал на революционный путь борьбы. Это решение ПК было напечатано в виде листовки и распространено в районах[83].

Редакция «Пролетария» опубликовала резолюцию ПК «Об единстве» и поместила тут же заявление «от редакции», в котором очень высоко оценила деятельность Петербургской организации по укреплению партии:

«СПБ комитет был одним из комитетов партии, шедших в первых рядах в борьбе с меньшевистскими извращениями марксизма и партийности. Мы надеемся, что СПБ комитет будет теперь одним из тех первых комитетов, которые уже организационно реализуют плоды нашей борьбы за партийность и за революционную тактику социал-демократии...

Точка зрения Петербургского комитета, — говорилось далее в заявлении, — совершенно совпала с точкой зрения, высказанной нашей расширенной редакцией в резолюции о задачах большевиков в партии»[84].

Вскоре после решения ПК «Об единстве» в Петербурге состоялось совещание рабочих-меньшевиков всех

Несмотря на столь сокрушительный полицейский удар, в том же 1908 году делается новая попытка восстановить Военную организацию. Ее предприняла опытный военный работник партии Е. М. Хрущева (известная в литературе под имением Веры Владимировой). Она являлась помощницей Ф. Ф. Насимовича по военной работе на юге России и приехала в столицу вскоре после ареста Насимовича. Весной и летом 1908 года ей удалось подобрать небольшой коллектив работников, связаться с Петербургским комитетом, добыть гектограф и мимеограф и начать пропаганду в некоторых воинских частях[144]. Но и их деятельность, хотя и меньшая по масштабу, также была прервана очередным провалом. Весной 1909 года Веру Владимирову и активных членов Военной организации арестовали. Деятельность Военной организации в годы реакции больше восстановить уже не удалось.

Петербургский комитет сохранил связь с социал-демократическими студенческими группами, через них влиял на студенческое движение и черпал оттуда кадры партийных пропагандистов.

Объединенной социал-демокрвтической организации среди студенчества в этот период не было. Во многих высших учебных заведениях имелись социал-демократические группы, работой которых ПК руководил через своего представителя. Наиболее крупная партийная ячейка действовала в университете. В рассматриваемый период там одновременно учились и вели нелегальную партийную работу А. М. Аменицкий, Н. В. Апполонов, С. Я. Багдатьев, В. А. Быстрянский, Г. С. Вейнбаум, В. С. Венгеров, В. Э. Кингисепп, Л. В. Коробов, Б. Н. Книпович, Н. В. Крыленко, А. А. Масленников, К. А. Механошин, Г. А. Усиевич, Г. И. Чудновский, Г. В. Цыперович и другие. В Горном институте нелегальной работой занимались студенты Г. И. Бокий, А. Т. Аркий-Радзишевский; в Технологическом — Б. Г. Богоявленский, Л. Г. Ханин и другие.

Особой революционностью и активностью отличался Психоневрологический институт, открытый по инициативе профессора Бехтерева. Сюда в значительной степени переместились революционно настроенные студенты и прогрессивно мыслящие профессора с закрытых в 1907 году курсов Лесгафта, сыгравших видную роль в революционных событиях 1905—1907 годов. По сведениям охранки, «в 1909 г. институт служил постоянным местом как заседаний и рефератов ПК и районных комитетов С.-Петербургской с.-д. организации и местом явок приезжих членов партии, так и направлением партийной переписки... В институте беспрепятственно совершается революционная пропвганда и в числе слушателей 90 процентов членов крайних партий, нетерпимо относящихся даже к «кадетам».

Значительное число профессоров и преподавателей (Аничков, Тарле, Гримм, Грузенберг, Ковалевский) также известны своим крайне левым направлением. Слушатели института не только всегда стараются при возникновении волнений в каком-нибудь учебном заведении выразить свое сочувствие беспорядкам в институте, но в большинстве случаев идут в этом направлении даже дальше самих инициаторов волнений»[145].

За годы реакции студенчество столицы дважды участвовало в массовых волнениях, вызванных реакционной политикой правительства в 1907 и в 1909 годах.

В сентябре 1907 года на двухтысячной сходке в Актовом зале университета, где присутствовали студенты других учебных заведений Петербурга и около 80 рабочих, ораторы говорили о наступлении реакции и призывали студентов организоваться для борьбы. При голосовании прошла резолюция большевиков, призывавшая не подчиняться реакционным «правилам 11 июля» *, устраивать сходки явочным порядком, использовать университет в революционных целях.

Состоялась сходка и в Технологическом институте. Здесь, однако, приняли решение подчиниться новым правилам. Группа студентов демонстративно покинула митинг, заявив: «Стыдно подчиняться таким правилам».

На этот раз Столыпин навел видимый порядок, издав приказ, что в случае нарушения «правил 11 июля» и самовольных массовых действий студентов «принимать энергичные меры, введя в эти заведения достаточную полицейскую силу» и переписывая учащихся для привлечения к ответственности вплоть до ареста и высылки[146].

* Эти правила — одно из проявлений реакционной политики министра народного просвещения А. Шварца, объявившего поход против остатков университетской автономии и стремившегося уничтожить все студенческие демократические завоевания, оставшиеся от 1905 года.

Новая вспышка массовых студенческих волнений произошла осенью 1908 года в связи с уничтожением остатков университетской автономии, сохранявшейся с 1905 года. На этот раз в движении возобладало буржуазное влияние. Коалиционный студенческий совет принял обращение «К обществу и студенчеству», проникнутое идеями либерализма кадетско-октябристского толка.

Исполнительная комиссия Петербургского комитета РСДРП 22 сентября обсудила поведение студентов социал-демократов, не сумевших правильно разобраться в характере студенческого движения и оценке обращения коалиционного совета. ПК поставил студенческим социал-демократическим группам на вид и призвал социал-демократическое студенчество публично отмежеваться от обращения коалиционного совета, подчинив студенческое движение задачам социал-демократии в общенародной борьбе с царизмом.

На следующем заседании Исполнительной комиссии ПК была принята новая резолюция, в которой ПК разъяснял студенческим социал-демократическим группам свое отношение к развернувшемуся движению. ПК отмечал, что студенческое движение окажется успешным лишь в том случае, если оно будет подчинено общенародной борьбе за политическую свободу страны. ПК предлагал студентам социал-демократам бороться за продолжение студенческой забастовки, стремясь придать ей характер политического движения [147].

Позиция ПК получила полное одобрение В. И. Ленина. В статье «Студенческое движение и политическое положение», помещенной в том же номере «Пролетария», где была опубликована первая резолюция ПК, он писал: «Отпор, который счел нужным дать Петербургский комитет нашей партии коалиционному совету, мы не можем не приветствовать» [148]. На примере студенческого движения в Петербурге осенью 1908 года Ленин раскрыл в этой статье принципиальные вопросы тактики партии по отношению к общедемократическому движению вообще.

В. И. Ленин считал долгом студентов — членов РСДРП поддерживать, использовать и расширять движение студенчества. Эта поддержка должна выражаться в идейном и организационном воздействии на учащуюся молодежь, которая переживает свой первый

Активные работники социал-демократической организации учащейся и рабочей молодежи. 1907—1909 гг.: *С. Аничков, Н. Анцелович, М. Барсуков, Г. Вейнбаум, Ф. Квасков, Т. Неслуховская, А. Привальский, Г. Шидловский, Н. Яковлев.*

лекций при клубах, стали создаваться общеобразовательные школы и вечерние курсы. Так, к осени 1909 года «Второе Нарвское общество образования» открыло школу с четырехгодичным курсом обучения, в которую записалось 120 учеников. При обществе «Наука» функционировали вечерние курсы для взрослых, на которых занималось свыше 80 человек. «Сампсониевское общество образования» имело две школы с вечерне-воскресными курсами для взрослых — одну на Выборгской стороне, другую — на Охте. Число учащихся в этих школах превышало 150 человек. Намечалось открыть подобные курсы и школы и при других рабочих клубах и культурно-просветительных обществах[165].

В годы реакции в Петербурге существовало примерно полтора десятка культурно-просветительных организаций для рабочих. Назывались они по-разному: клубы, общества, кружки, школы. Если полиция запрещала какое-либо общество, оно возрождалось под другим названием; закрывалось одно — по новому адресу открывалось другое. Вначале инициаторами их создания чаще выступали меньшевики, стремившиеся только к легальной работе. Но большевики скоро поняли, что эти легальные организации могут быть прекрасным прикрытием нелегальной деятельности и местом воспитания *рабочих в духе большевизма. Поэтому они стали сами* открывать общества или вытеснять меньшевиков и эсеров из уже действующих.

В одном из писем в редакцию «Пролетария» говорилось, что громадное большинство петербургских клубов было основано меньшевиками, и не для партийной работы, а взамен ее. Но так как клубы пользовались популярностью у рабочих, то большевики решили подчинить их своему влиянию. В двух районах районные комитеты, а в третьем группа рабочих-партийцев занялись организацией своих клубов. Запись в один из этих клубов проводилась выборочно. Эта мера была необходима до выборов правления клуба, которое было заранее намечено райкомом. В новое правление вошли большевики, члены райкома. Такой состав правления предрешил и состав всех комиссий (библиотечной, лекторской и др.), куда вошли социал-демократы, чаще всего члены РК. Считая свое влияние достаточно прочным, правление стало допускать в клуб рабочих различной партийной принадлежности.

Члены Сампсониевского общества образования. *Фото 30-х гг.*

Лекциям по социальным вопросам правление уделяло особое внимание, для их чтения приглашались социал-демократы. При комплектовании библиотеки в книжный фонд удалось включить большое количество «левой» литературы. Книги по общественным наукам в большинстве своем были марксистские[166].

По конспиративным соображениям в этом письме не уточняется, о каких конкретно культурно-просветительных организациях идет речь. Скорее всего, в письме говорится о василеостровском обществе «Источник света и знания» и Сампсониевском обществе образования на Выборгской стороне, в которых работа велась под руководством большевиков и с большим размахом. Большевики имели также достаточно сильные позиции в обществе «Наука», основанном В. М. Величкиной и В. Д. Бонч-Бруевичем. В актив этого общества входили большевики А. И. Круглова (тогда Иванова), Е. М. Соловей, М. Г. Белов, Г. Ф. Федоров.

«Дорогая Надежда Константиновна,— писала В. М. Величкина Н. К. Крупской 9 октября 1909 года,—...я по-прежнему отдаю много времени клубу, который у нас положительно расцветает в нынешнем году. Открыли школу, нашли прекрасную квартиру, интерес к клубу огромный. Настроение, конечно, самое умеренное, но

отнюдь не индифферентное, а это важно. Интеллигенции у нас не только мало, но даже прямо не хватает, потому, что у интеллигенции гораздо более индифферентное отношение. Но даже и в этом отношении, с основания нашего клуба, успех довольно значительный» [167].

Под большевистским влиянием находились рабочие клубы «Жизнь» (латышской национальной группы социал-демократов), «Наука и жизнь», «Общество образования» за Московской заставой и другие. По сведениям петербургской охранки, по крайней мере восемь обществ самообразования из числа действующих в столице в начале 1910 года были «чисто социал-демократического направления», то есть большевистского, так как меньшевики стремились к «беспартийности».

Большую работу среди питерских пролетарок проводило основанное А. М. Коллонтай «Общество взаимопомощи работницам», или «Общество женской взаимопомощи». Наряду с просветительской деятельностью, не вызывавшей у полиции подозрений, там велась нелегальная работа, которой руководил ПК РСДРП. После отъезда в эмиграцию Коллонтай с конца 1908 года в этом обществе энергично работала К. И. Николаева.

Ярким подтверждением успешной деятельности большевиков по использованию в партийных целях легальных культурно-просветительных организаций является доклад начальника петербургской охранки от 13 марта 1910 года.

«Вся текущая партийная работа местной организации РСДРП,— говорилось в докладе,— гнездится в клубах и просветительных обществах, где происходят явки и собрания подрайонных и районных комитетов. До ликвидации 6 января там же постоянно собирались: Петербургский комитет, ЦБ профсоюзов и межклубная комиссия. Вообще во всех тех случаях, когда необходима конспиративность собрания, двери любого клуба или общества просвещения гостеприимно раскрываются и даже охраняются патрулями. В настоящее время большая часть членов подрайонных и районных комитетов состоят одновременно и членами правлений клубов и просветительных обществ, вследствие чего все совещания названных комитетов проходят под флагом собраний правлений, и разоблачить их преступную работу трудно, т. к. на заседаниях протоколы заседаний не пишутся, а составляются секретарем после собрания» [168].

Среди легальных форм работы партии заметную роль сыграли проводившиеся в эти годы различные общественные съезды: кооперативов (апрель 1908 года), народных университетов (январь 1908 года), женский (декабрь 1908 года), фабрично-заводских врачей (апрель 1909 года), по борьбе с пьянством (декабрь 1909-го — январь 1910 года), по борьбе с проституцией (апрель 1910 года). Большинство из них проходило в Петербурге, и Петербургская организация РСДРП имела возможность непосредственно использовать трибуны этих съездов в партийных целях.

Либерально настроенная буржуазная интеллигенция, предводительствуемая кадетами, выступала инициатором созыва этих съездов для того, чтобы проблемы, поднимаемые ими, перенести из сферы революционного переустройства общества в сферу буржуазной благотворительности и куцего реформизма. Большевики ставили задачу использовать эти съезды, как и другие легальные организации, для дальнейшего развития классовой борьбы пролетариата, для его политического воспитания и сплочения.

«И всякий легальный съезд,— писал Ленин,— в котором участвуют рабочие, всякое легальное учреждение, куда просачивается пролетариат и приносит свою классовую сознательность, открытую защиту интересов труда и требований демократии,— ведут к сплочению сил и к развитию движения в целом» [169].

Центральный Комитет РСДРП поручил Петербургскому комитету организовать группу работниц для участия в I Всероссийском женском съезде и с трибуны съезда провозгласить социал-демократические взгляды на положение женщин в капиталистическом обществе и задачи женского движения. Петербургский комитет поручил это важное дело С. Я. Багдатьеву. Главную роль в довольно многочисленной рабочей группе (более 40 работниц) играли профессиональные революционерки А. М. Коллонтай, В. К. Слуцкая, П. Ф. Куделли. Их верными помощницами выступали большевички А. И. Иванова, А. И. Круглова, К. И. Николаева, А. Н. Алексеева, В. И. Волкова. Большевистскому ядру рабочей группы женского съезда удалось преодолеть влияние меньшевистски и эсеровски настроенных членов группы и задать боевой, партийный тон всей ее деятельности. Рабочая группа, руководимая большевиками, добилась

Уполномоченный Заграничной организационной комиссии по созыву общепартийной конференции *Б. А. Бреслав.*

ляющем большинстве социал-демократических групп легальных рабочих организаций выносились резолюции, по форме и по содержанию сходные с постановлением подпольщиков 1-го Городского района.

Напряженная организаторская работа уполномоченных ЗОК Г. К. Орджоникидзе и Б. А. Бреслава значительно активизировала нелегальную партийную работу. «Нелегальная работа в Питере ожила вовсю» [17], — сообщалось в «Социал-демократе». М. С. Ольминский вспоминает, что летом и осенью 1911 года в связи с приездом Г. К. Орджоникидзе и Б. А. Бреслава «по рабочему Петербургу точно пронеслась струя свежего воздуха, всколыхнувшая болото ликвидаторских мелочных задач и ликвидаторского приспособления к легальности» [18].

В начале сентября 1911 года завершились выборы делегатов от Петербургской партийной организации на Всероссийскую партийную конференцию. Делегат избирался на районных партийных конференциях.

Петербургская партийная организация избрала на конференцию трех делегатов. Подпольщики 1-го Городского района выборы делегата провели 4 сентября на правом берегу Невы, вблизи фабрики «Торнтон». На конференцию они послали рабочего-вязальщика В. М. Цаплина (Воробьева). В наказе делегату они потребовали воссоздать деятельный Центральный Комитет. Одновременно прошли партийные конференции в Колпине и Сестрорецке. Большевики Ижорского завода в Колпине и Сестрорецкого оружейного завода делегировали на конференцию Б. А. Бреслава. Социал-демократы, работавшие в легальных организациях, избрали депутата Государственной думы Н. Г. Полетаева.

Однако пробравшиеся на районные партийные конференции провокаторы выдали делегатов охранке. Вскоре Б. А. Бреслав и В. М. Цаплин были арестованы. Депутата Думы Н. Г. Полетаева охранка арестовать не решилась.

Тем временем в конце сентября 1911 года в Баку состоялось совещание Российской организационной комиссии. Исчерпывающую информацию о состоянии партийной работы в Петербурге делегаты РОК получили от Г. К. Орджоникидзе, который особо подчеркнул антиликвидаторское настроение большинства петербургских социал-демократических рабочих.

В «Извещении», выпущенном РОК, говорилось, что «вокруг знамени РСДРП, поднятого совещанием членов ЦК и Заграничной организационной комиссии, сплотились рабочие Урала, Киева, Екатеринослава, Петербурга (Васильевский остров, Петербургский, Невский, Колпинский районы), Баку, Ростова, Нижнего, Сормова, Тифлиса, а также ряд легальных рабочих организаций» [19]. Опираясь на их авторитет, на их поддержку и сочувствие, Российская организационная комиссия приступила к практическим шагам по созыву общепартийной конференции.

Петербургским большевикам предстояло тем временем вновь провести выборы делегатов. В помощь им РОК в октябре 1911 года направила в столицу И. И. Шварца и немного позднее С. С. Спандаряна. При их участии в конце октября 1911 года после годичного перерыва был восстановлен городской партийный центр — ПК РСДРП. Уже на Пражской конференции петербургский делегат П. А. Залуцкий, рассказав о слабости связей между районными партийными организациями и отдельными группами в Петербурге, отметил затем, что этот коренной недостаток организационной партийной работы в столице был преодолен лишь благодаря энергичной помощи РОК. «Всю эту работу по связям и организации районов выполнила РОК, — говорил П. А. Залуцкий. — Она не только устроила выборы на конференцию, но направила работу образовавшегося ПК» [20]. В. И. Ленин особо отмечал эту заслугу членов РОК. «РОК прибыла в Петербург и создала ПК» [21], — писал В. И. Ленин на Пражской конференции в своих заметках по докладам с мест.

Вторичные выборы делегатов на общепартийную конференцию проводились в Петербурге с соблюдением строжайшей конспирации. В работе районных партийных конференций участвовали лишь особо доверенные

представители заводских ячеек, только 110 членов партии. «За этими 110 товарищами, активными членами организации, непосредственно участвовавшими в выборах делегатов, разумеется, стоит во много раз большее количество рабочих социал-демократов»[22],— указывалось в «Извещении» ЦК РСДРП с VI Всероссийской конференции.

В начале ноября 1911 года 15 делегатов районов собрались на общегородскую конференцию. Конференция проводилась на Васильевском острове, на Кожевенной линии, с соблюдением строжайших мер предосторожности. Вокруг дома были выставлены патрули. Итоги выборов держались втайне даже от самих делегатов общегородской конференции. Представителями партийной организации Петербурга избрали Е. П. Онуфриева, П. А. Залуцкого и Н. Г. Полетаева. Однако из-за усиленной полицейской слежки Н. Г. Полетаев не смог своевременно приехать в Прагу, а остальным петербургским делегатам удалось нелегально перейти границу лишь в конце декабря 1911 года.

VI Всероссийская (Пражская) партийная конференция проходила с 5 по 17 января 1912 года. Она рассмотрела важнейшие вопросы революционной борьбы пролетариата в условиях начавшегося подъема, разработала практические меры по укреплению ослабленных за годы реакции нелегальных партийных организаций, решительно отсекла от рабочей партии все выродившиеся дезорганизаторские течения и группы и покончила с формальным объединением большевиков с меньшевиками-ликвидаторами в рамках единой РСДРП.

Конференция уделила много внимания докладам с мест, посвятив им пять заседаний. Она заслушала информацию о партийной работе в 37 городах. В. И. Ленин придавал большое значение докладам с мест и вел черновые записи выступлений делегатов. Изучая по ним сообщения петербургских делегатов, можно выделить то, что особенно заинтересовало Владимира Ильича в жизни Петербургской партийной организации. Это, прежде всего, сведения о количестве членов партии в районах, о связях организации с рабочими, о распространении «Звезды», «Рабочей газеты», «Социал-демократа», о нелегальной технике, о тематике и количестве выпускаемых листовок. В. И. Ленин отмечал, что наиболее деятельная партийная организация существует на Васильевском острове. Василеостровские большевики сумели наладить дружную работу с местными меньшевиками-партийцами и обеспечили боевое единство действий рабочих своего района. В. И. Ленин тщательно записывал факты, касающиеся руководства легальной работой. В Невском районе, судя по ленинским записям, создалась группа из 22 человек, которая вошла в местное культурно-просветительное общество и выпустила на гектографе несколько листовок по вопросам экономической борьбы. Однако далее В. И. Ленин подчеркнул, что работали в Невском районе кустарнически, что в местном отделе союза металлистов «состав неопределенный, всего два социал-демократа. Революционеров-профессионалов в Невской районной организации нет»[23].

Записи В. И. Ленина дополняют те части выступлений Г. К. Орджоникидзе и С. С. Спандаряна, в которых рассказывается о положении дел в Петербургской партийной организации.

Характерно замечание С. С. Спандаряна о легальных обществах, особенно о профессиональных союзах Петербурга: «Союзы в Питере совсем не ликвидаторские... среди рабочих я ликвидаторов не нашел. Ликвидаторы не играют роли в рабочем движении... Все время вспыхивают забастовки. Обаяние партии огромное, но только нет работников. Совершенно почти. В этом зло»[24].

Интересно свидетельство Г. К. Орджоникидзе о том, что к концу 1911 года отзовистское влияние на рабочих-партийцев в Петербурге было уже почти полностью преодолено, некоторые рабочие, видимо, просто по инерции еще называли себя «впередовцами», а по существу проводили большевистскую линию. «Впередовцы в Петербурге, — говорил Г. К. Орджоникидзе, — вели антиликвидаторскую работу и вообще помогали»[25].

Записи В. И. Ленина и черновые наброски протоколов конференции дают возможность установить также основное направление выступлений петербургского делегата Е. П. Онуфриева (Степана), взявшего слово непосредственно после доклада В. И. Ленина по организационному вопросу. В своем докладе В. И. Ленин особо подчеркнул настоятельную необходимость создания во всех легальных рабочих организациях гибких, подвижных, небольших по составу партийных ячеек.

В этой связи он остановился на положительном опыте по руководству легальными рабочими обществами, накопленном партийными организациями Петербурга и Риги. В. И. Ленин отметил, что если бы повсеместно, во всех легальных организациях, имелись небольшие, но деятельные партийные группы, как в Петербурге и Риге, «если бы таких обществ с таким устройством было больше, то революция была бы непобедима»[26].

Все предложения, выдвинутые Владимиром Ильичем в докладе по организационному вопросу, горячо поддержал Е. П. Онуфриев. «Я хочу присоединиться к Ленину»[27] — так начал он свою речь на конференции. Он рассказал о значительных трудностях, которые встретили петербургские большевики при воссоздании ПК, предложил более тщательно законспирировать подрайонные и районные комитеты РСДРП, сузить их количественный состав и тем надежнее застраховать от провокаций охранки. Особенно подробно рассказал Е. П. Онуфриев о работе большевиков в культурно-просветительном обществе «Знание — свет», созданном за Невской заставой. В работе общества в 1911 году систематически участвовало около 500 рабочих.

Выступление Е. П. Онуфриева, полное революционного оптимизма, длилось более часа и было выслушано с неослабным вниманием.

Пробравшийся на конференцию провокатор Романов в своих донесениях в департамент полиции характеризовал петербургского делегата как зрелого революционера. «„Стёпан“, — доносил он, — отличается исключительным развитием и основательно знаком с приемами партийной работы как практически, так и теоретически, уравновешенный и спокойный, он весьма заинтересовал Ленина»[28].

Следует отметить и важную инициативу петербургского делегата в деле борьбы за единство партии. По его предложению группа из восьми делегатов конференции, или «группа Степана», обратилась в ЦК социал-демократии Латышского края, ЦК Бунда, Главному правлению Социал-демократии Польши и Литвы, социал-демократической фракции III Государственной думы, Кавказскому областному комитету, редакции троцкистской «Правды», группе «Вперед», Г. В. Плеханову и А. М. Горькому с письмами. В них рабочие делегаты апеллировали к разуму и чувству, к ответ-

ственности руководителей перечисленных организаций и групп и приглашали их на конференцию[29].

Делегат Пражской конференции РСДРП *Е. П. Онуфриев.*

Однако отовсюду пришли отказы. Г. В. Плеханов снова холодно заявил, что он не намерен участвовать во фракционных собраниях. Только А. М. Горький прислал «группе Степана» теплое письмо, одобряя планы укрепления партии и выражая полную готовность помочь своим писательским трудом и материальными средствами. «От всей души желаю Вам полного успеха в творческой работе, необходимой и как нельзя более своевременной», — писал в заключение А. М. Горький. Но и он отказался от непосредственного участия в работе конференции, вполне резонно мотивируя свое решение тем, что его приезд привлек бы ненужное внимание репортеров и шпиков, нарушил бы конспиративность и деловой характер работы конференции[30].

Категорический отказ лидеров антипартийных группировок принять участие в работе конференции окончательно убедил делегатов в правоте В. И. Ленина, немало способствовал дальнейшей изоляции раскольников революционного движения в России от рабочих масс, окончательно открыл глаза многим социал-демократическим рабочим, помог им освободиться от примиренческих иллюзий.

После завершения работы конференции по настоянию В. И. Ленина делегаты объехали местные организации и ознакомили их с решениями конференции. В. И. Ленин наметил для них четкую программу действий: «...везде провести резолюции точные, формальные, подробные, толковые, ясные: а) и о представительстве на конференцию и по существу, б) и о присоединении к ЦК, в) и против ликвидаторов — конкретно против местных и вообще...»[31].

В Петербурге именно в этом направлении действовали члены ЦК Г. К. Орджоникидзе и С. С. Спандарян

Беспощадно высмеивая ликвидаторов, работники Нарвского райкома писали: «В те подлые годы лихолетья многие товарищи позорно бежали из организации... Проповедь уничтожения партии имела большой успех. И эти изменники были опаснее царского самодержавия. Под маской друзей они сеяли ложь и уныние, они отпевали революцию... Итак, товарищи, за работу! Прочь уныние и робость! Прочь с дороги все, что враждебно нашей матери — Российской социал-демократической рабочей партии!» [47].

О Невской районной партийной организации В. И. Ленин получал точную информацию, что называется, из первых рук — от Е. П. Онуфриева. В состав Невского райкома в то время входили: рабочий завода «Эклунд» В. М. Щербаков — член партии с 1906 года, гравер фабрики Паля М. И. Зайцев, руководитель партийной ячейки той же фабрики П. А. Тюшин — член партии с 1898 года, чертежник Невского судостроительного завода В. Ф. Малаховский — член партии с 1911 года, слесарь Александровского завода А. Е. Бадаев — член партии с 1904 года, и другие.

Летом 1912 года ЦК партии направил в Петербург Инессу Арманд, которая, по донесению охранки, «взялась организовать во всех районах Петербурга большевистские группы и комитеты при них, объединив все группы межрайонной комиссией» [48].

С помощью И. Арманд были воссозданы стабильные руководящие органы столичной организации РСДРП и налажен поток информации из Петербурга к В. И. Ленину. Письма эти Н. К. Крупская в одном из своих ответов в Петербург охарактеризовала как «довольно духоподъемные» [49].

Особенно большую работу И. Арманд проделала в Невском районе. По свидетельству В. Ф. Малаховского, Инесса Арманд «любила наш район и часто его посещала. Ее беседы, наставления и указания, главным образом чисто партийного характера, остались неизгладимым следом в моей душе и окончательно закрепили меня как твердокаменного большевика» [50].

Охранникам с помощью провокаторов удалось зафиксировать пять совещаний посланца ЦК РСДРП с представителями районов Петербурга: на Охтинском кладбище — 26 августа, в лесу близ Киновеевского монастыря — 29 августа, на Шлиссельбургском проспекте, 51, — 1 сентября, на Рижском проспекте, 60, — 5 сентября и на набережной реки Смоленки, 10, — 9 сентября [51]. Естественно, что этими данными список совещаний с активом Петербургской партийной организации, проведенных И. Арманд, далеко не исчерпывается. Об одном из совещаний, не зафиксированных охранкой, упоминает А. А. Митревич, член партии с 1897 года, активный правдист, подписывавший свои корреспонденции в «Правде» псевдонимом «Ст. путиловец». Собрание это, по свидетельству А. А. Митревича, проходило в конце августа на обширном Горячем поле за Московской заставой, в том месте, где в 1906—1907 годах часто собирался ПК РСДРП. Проходило собрание около 10 часов вечера «между кочками в темноте и холоде... Порядок дня: о думской фракции и забастовках рабочих и организационные. О привлечении в ПК представителей районов» [52].

Таким образом, И. Арманд неоднократно собирала совещания представителей районов, которые обставлялись весьма конспиративно. Воссозданы были наряду с существующими Невской и Нарвской Выборгская, Петербургская, Колпинская, Пороховская, 2-я Городская и Сестрорецкая районные партийные организации.

В конце августа И. Арманд из представителей райкомов удалось создать межрайонную общегородскую комиссию РСДРП, временно, до оформления ПК, объединившую всю нелегальную партийную работу. В распоряжении межрайонной комиссии оказались коллегия пропагандистов, деятельная техническая группа и нелегальная типография. С их помощью комиссия довела до сведения всех большевиков-подпольщиков очередные задачи партийного строительства.

Комиссия резко и самокритично оценила состояние нелегальной работы местной организации. В ее «Извещении», опубликованном в специальной листовке, указывалось, что социал-демократы всюду, даже в отдаленных уголках России, восстанавливают организации, спешат покончить с кустарничеством. «Очередь и за нами, организованными рабочими Петербурга, где до сих пор еще кустарничество царит безраздельно. Социал-демократическая работа ведется в каждом районе, но изолированно, без всякой связи с тем, что делается в остальных частях. Нередко в одном и том же районе работает несколько оторванных друг от друга группок».

В листовке говорилось, что этот организационный распад на́ руку ликвидаторам, а время не терпит и необходимо всем подпольщикам немедленно заняться воссозданием городского партийного центра под лозунгами Пражской конференции [53].

23 августа полиции удалось напасть на след И. Арманд. Слежка за ней продолжалась в общей сложности более трех недель. В ночь на 14 сентября она и девять работников, связанных с нелегальной типографией Нарвского партийного района, были арестованы. Однако арест И. Арманд мало что дал полиции. Арестованы были только работники подпольной типографии района. Связи ее с другими партийными районами остались нераскрытыми.

Арест И. Арманд уже не смог приостановить процесс консолидации сил петербургских большевиков. Не прерывалась уже и непосредственная связь ЦК РСДРП и лично В. И. Ленина с Петербургской организацией.

На смену И. Арманд в Петербург прибыл новый агент ЦК РСДРП А. А. Сольц. «Я попал в районы, — рассказывал впоследствии А. А. Сольц, — после Инессы Арманд и нашел уже распаханное поле...» [54] Вскоре собрались члены исполнительных комиссий райкомов и провели выборы руководящего партийного центра. В ПК вошли А. А. Сольц, Г. В. Разживин, Т. И. Попов, М. И. Зайцев, В. И. Савинов, В. Ф. Малаховский, представитель эстонских большевиков, проживающих в Петербурге, Г. И. Клаас и другие. Начиная с первых дней октября 1912 года уже без длительных перерывов ПК осуществлял руководство Петербургской партийной организацией. Он имел связи со всеми крупными заводскими ячейками. Полицейские наскоки не могли одним ударом прервать все нити, связывавшие этот подпольный центр со столь широким активом рабочих-большевиков. Наладилась и непосредственная связь ЦК РСДРП с Петербургской организацией. 12 сентября 1912 года в Петербург снова приехал И. В. Сталин, бежавший из нарымской ссылки. Он дважды, в октябре и ноябре 1912 года, по вызову В. И. Ленина выезжал в Краков. На заседании Исполнительной комиссии ПК И. В. Сталин, как представитель ЦК партии, решительно проводил в жизнь директивы В. И. Ленина по укреплению партийного аппарата, по дальнейшему совершенствованию политической и организационной работы

Члены ЦК РСДРП и доверенные ЦК: *И. Ф. Арманд, М. И. Калинин, Г. К. Орджоникидзе, Я. М. Свердлов, С. С. Спандарян, И. В. Сталин.*

большевистской организации Петербурга. Охранка тогда вынуждена была признать свое бессилие разрушить крепкую связь ПК с Центральным Комитетом и охарактеризовала ПК «как исполнительный орган директив Ленина» [55].

В конце декабря 1912 года в Петербург приехал Я. М. Свердлов, совершивший свой пятый побег из Нарымского края. Между В. И. Лениным и этим новым представителем Центрального Комитета в ПК завязалась оживленная переписка. «У нас, — сообщала из Кракова в самом начале 1913 года Н. К. Крупская, — связи с каждым днем растут. В Питере теперь весьма серьезная организация, созданная низами» [56]. Эта организация безраздельно руководила рабочим движением

в городе, планомерно расширяла его размах, укрепляла его организованность.

Осенью 1912 года рабочее движение в Петербурге поднялось на новую, еще более высокую ступень. В отличие от апрельско-майских событий октябрьско-ноябрьские стачки начались в связи с событиями, непосредственно не затрагивавшими интересы рабочих, — они проводились в защиту армии, в конечном счете крестьянских масс.

26 октября 1912 года в «Правде» и в других газетах появилось сообщение: военно-морской суд в Севастополе за подготовку восстания на Черноморском флоте приговорил 17 моряков к смертной казни и 107 — к каторжным работам на длительные сроки. Одновременно ПК РСДРП издал листовку с призывом к общегородской стачке-протесту.

Наивысшего подъема движение достигло 30 октября. Забастовки были однодневные или даже длились всего половину рабочего дня и носили мирный характер. С 29 октября по 5 ноября в стачках приняло участие около 115 тысяч петербургских рабочих.

Даже угодливо пресмыкающаяся перед правительством газета «Новое время» была вынуждена признать тактическую зрелость, внушительность и организованность рабочих стачек. «По чьей-то таинственной команде десятки тысяч рабочих, — писал нововременский публицист Меньшевиков, — решили выразить громкое сочувствие осужденным бунтарям... В рабочих кругах почтили севастопольских матросов однодневной забастовкой. Вся петербургская — колоссальная по размерам — полиция была поставлена на ноги, но тем не менее обряд революции был почти повсюду выполнен»[57]. Конечно, ничего «таинственного» не было в том, кто именно поднимал рабочих на стачки и кто их возглавлял. Об этом убедительно свидетельствуют не только сообщения большевистской «Правды» о ходе стачек, но и перечень тех лиц, которые в те дни были репрессированы полицией. 29—31 октября полиция арестовала организатора забастовки на заводе «Вулкан» большевика И. П. Жукова, членов Василеостровского райкома РСДРП Е. Н. Адамович и С. И. Кутузова, был арестован также один из старейших членов партии В. А. Шелгунов. На Выборгской стороне в полицейскую часть попали такие видные и энергичные большевики, как

М. И. Калинин, К. Н. Бедняков, Г. И. Бруно, А. А. Булышкин. Однако полиция действовала вслепую, ограничиваясь арестом известных ей по давним революционным выступлениям большевиков. Массовые аресты не затронули надежно законспирированный подпольный центр — ПК РСДРП. Он уцелел и продолжал руководить все разраставшейся политической стачкой.

Уже на третий день стачки к ней активно подключилось демократическое студенчество. В университете студенческие сходки были столь бурными, что власти перебросили часть конно-полицейской стражи из Невского и Нарвского участков на Васильевский остров.

11 ноября 1912 года приговор севастопольского военно-морского суда был приведен в исполнение. 11 матросов были расстреляны. Пятерым смертную казнь заменили пожизненной каторгой. (Шестой матрос был помилован за признание вины и дачу показаний против своих товарищей.)

Ценой упорной борьбы рабочим и революционной учащейся молодежи удалось спасти только пять жизней. Но значение ноябрьских стачек этим не исчерпывалось. Они по сути дела стали второй крупнейшей наступательной операцией пролетариата против классовых врагов в 1912 году. «Осенние маневры революции»[58] — так вынуждена была оценить ноябрьские события в Петербурге кадетская газета «Речь». Особенно отрадным был тот факт, что рабочее движение снова стало взаимодействовать со всеми, правда, пока еще редкими выступлениями в армии и флоте, с борьбой демократической молодежи. Большевики занимали в движении доминирующее положение. Если в предшествующие годы, как отмечал В. И. Ленин, лозунги революционеров нередко «*отставали* от жизни»[59], то события 1912 года стали убедительным примером оперативного руководства движением, умения большевиков предусмотрительно ставить перед ним лозунги, точно отвечающие не только целям и задачам, но и средствам борьбы.

ЗА ПОДЛИННОЕ ЕДИНСТВО

Осенью 1912 года борьба большевиков против ликвидаторов за единство социал-демократических рабочих Петербурга вступила в новый, весьма ответственный

связь с Ревелем, а ее представитель входил в состав ЦК Эстонского края.

Основу Петербургской партийной организации составляли нелегальные фабрично-заводские ячейки. Партийные комитеты на предприятиях были также узкими, законспирированными (3—5 человек). Председатель заводского партийного комитета отвечал за его деятельность в целом, секретарь (иногда казначей) собирал членские взносы, библиотекарь хранил и распространял среди членов ячейки революционную литературу. Партийные комитеты были тесно связаны с райкомами, а иногда непосредственно с ПК. «У ПК, — докладывал на Поронинском совещании А. Е. Бадаев, — связи на всех заводах. Все, что делалось в рабочих кварталах, на каждом заводе, на каждой фабрике и даже мастерской, ПК знал, обо всем был осведомлен»[89].

О количестве первичных партийных организаций (ячеек) достоверных и полных сведений не имеется. В те годы важнейшим объективным показателем влияния большевиков среди рабочих стало число рабочих групп, вносивших деньги на нужды большевистской «Правды». Весной 1912 года насчитывалось 412 групп петербургских рабочих, коллективно поддерживавших «Правду»[90]. Весной 1914 года таких групп в Петербурге было уже 1276[91].

Конечно, такие понятия, как группа рабочих, поддерживающая материально большевистскую газету, и первичная партийная организация, не являются равнозначными. Очевидно, что первых было больше, чем вторых. Однако бесспорно, что между рабочей группой, активно поддерживающей газету большевиков, и партийной ячейкой существовала прямая, непосредственная взаимосвязь. Следовательно, можно утверждать, что число первичных партийных организаций на предприятиях Петербурга за два года нового революционного подъема выросло примерно втрое.

Что же касается общей численности Петербургской партийной организации, то о ней можно судить по результатам сбора подписей за создание самостоятельной большевистской фракции в Думе, который проводился среди рабочих с ноября 1913 года до лета 1914 года. Используя эту легальную возможность, партия, по существу, провела свою первую перепись. Эту кампанию В. И. Ленин ясно и недвусмысленно назвал открытым и

массовым опросом «всех членов партии по важнейшему вопросу партийной жизни». И далее В. И. Ленин отмечал, что партии удалось втянуть в обсуждение этого вопроса «*массу* рядовых членов партии»[92]. Естественно, что эта кампания дала большевикам возможность учесть свои силы прежде всего в Петербурге. Сам характер резолюций рабочих собраний настойчиво подчеркивает, что их подписывали не вообще сознательные рабочие, активные стачечники, читатели и почитатели «Правды», а «пролетарии, марксистски мыслящие и стоящие под знаменем неурезанных основных старых лозунгов». «Мы, группа организованных и сознательных рабочих...» — так начинаются резолюции собраний рабочих Охтинских пороховых заводов, вагоностроительного завода, завода летательных аппаратов общества «Гамаюн», мебельной фабрики Платонова, завода «Экваль» и других[93]. Здесь выделены два важнейших признака членства в партии — сознательность и принадлежность к организации. Путиловцы в своей резолюции говорят о необходимости усиления политической организации пролетариата, о том, что они стоят «за старые испытанные пути и методы, начертанные на рабочем знамени». Эзопов язык легальной печати совершенно ясен — речь идет о партийных организациях, а не об опросе рабочей массы вообще. Не случайно В. И. Ленин всю совокупность рабочих групп, выступавших за создание самостоятельной большевистской фракции в Думе, называл партией[94].

Весной 1914 года В. И. Ленин проделал трудоемкую работу по подведению итогов повсеместного опроса рядовых членов партии. Данные «Правды» позволили ему в статье «Отклик рабочих на образование РСДР фракции» дать итоговую цифру — 5003 подписи по С.-Петербургу, то есть 5 тысяч большевиков[95]. Эти свои подсчеты В. И. Ленин не считал окончательными, ибо сбор подписей продолжался и весной 1914 года. В ЦПА ИМЛ хранятся дальнейшие подсчеты В. И. Ленина, и в одном, более позднем, ленинском документе о числе подписей, собранных в Петербурге, приводится цифра 5900[96]. Это позволяет считать, что к 1914 году в Петербурге сосредоточилось около 6 тысяч большевиков.

Опрос рядовых членов партии, который можно рассматривать как партийную перепись, позволяет

конкретно выявлять и численность ряда фабрично-заводских партийных организаций.

Вот некоторые данные о численности партийных организаций Петербурга в 1913—1914 годах [97]:

Путиловский завод	— 305	чел.
Охтинские пороховые заводы	— 175	»
«Новый Лесснер»	— 139	»
Вагоностроительный завод	— 86	»
Мебельная фабрика Платонова	— 70	»
Моторный завод «Эквалъ»	— 56	»
В. О. трамвайный парк	— 29	»
Мебельная фабрика Маурина	— 26	»
Мебельная фабрика Меера	— 20	»
Фабрика «Лаферм»	— 13	»
Фабрика Отто Кирхнера	— 13	»
Оптическая мастерская Урлауба	— 3	» и т. д.

Наибольшие партийные группы действовали, как явствует из списка, на металлообрабатывающих заводах. Но крепкие ячейки имелись и на табачных, на мебельных фабриках, в типографиях и даже в ремесленных мастерских. Это лишний раз свидетельствует о том, что влияние партийной организации в петербургском рабочем движении было всеохватывающим.

Суть партийного строительства периода 1912—1914 годов В. И. Ленин очень лаконично, но предельно точно выразил словами «время собирания сил» [98]. К началу 1914 года это собирание сил было фактически завершено и партийная организация воссоздана, но уже на новой основе.

Во-первых, в 1907 году в партийной организации сохранялось формальное единство большевиков и меньшевиков, причем последних в Петербургской организации в ту пору было 2200 человек. В 1913 году партийная организация сплачивала лишь большевиков.

Во-вторых, в лучшую сторону изменился состав организации. В 1907 году она на 90 процентов состояла из партийной молодежи, влившейся в организацию в 1905—1906 годах. В 1913 году она возмужала, а ее основной костяк состоял, как писала легальная рабочая печать того времени, «из ветеранов прежних времен», то есть бойцов 1905 года и годов реакции.

И в-третьих, укрепилось пролетарское ядро партии. Партийная организация в Петербурге состояла на девять десятых из передовых рабочих.

Таким был бурно нараставший, необратимый процесс возмужания и укрепления большевистской организации Петербурга в 1912—1913 годах. Вот почему многочисленная и зрелая пролетарская партийная организация Петербурга, связанная неразрывно с ЦК РСДРП, с В. И. Лениным, всеми своими корнями уходящая в рабочие массы, решала с успехом сложные задачи руководства рабочим движением.

ЛЕГАЛЬНЫЕ ОПОРНЫЕ ПУНКТЫ

Укрепление партии выразилось не только в воссоздании постоянно действующих, строго законспирированных партийных органов на местах, строительстве первичных парторганизаций на предприятиях, но и в укреплении и значительном расширении своих легальных опорных пунктов. Претворяя в жизнь решения Пражской конференции РСДРП, местные партийные организации стремились использовать «все легальное для постепенной группировки всего живого вокруг нелегальной партии» [99]. Речь шла о том, чтобы подпольные партийные организации всемерно расширяли свою деятельность на легальном поприще и умело дирижировали внешне очень разнохарактерным легальным ансамблем: рабочей печатью и профсоюзами, думской фракцией РСДРП и культурно-просветительными обществами, больничными кассами и кооперативными организациями, воскресными школами и рабочими столовыми, рабочими драмкружками и рабочими библиотеками.

Легальные рабочие организации использовались большевиками для подготовки стачек, демонстраций, митингов, распространения подпольной литературы, устройства нелегальных собраний, тайных встреч партийных работников. Они же стали основным источником, откуда партия черпала средства для своего существования. Например, часть средств «железного фонда „Правды"», созданного из рабочих взносов, нередко отчислялась на нужды нелегальной работы. В августе 1913 года охранка отмечала, что часть суммы, собранной на фабриках в фонд «Правды», передается в рас-

Сравнивая их с первыми обличениями петербургских рабочих в 90-е годы, В. И. Ленин писал в 1912 году:

«Тогда — каких-нибудь пять-шесть фабричных обличений, тайком распространявшихся рабочими в нескольких десятках экземпляров.

Теперь — десятки тысяч ежедневной «Правды», дающей по нескольку фабричных обличений, относящихся к самым различным отраслям труда» [106].

Особое внимание газета уделяла стачкам. Ежедневно, как фронтовые сводки, «Правда» печатала отчеты о забастовках, помогала стачечникам преодолевать различные козни предпринимателей, воспитывала в их среде солидарность и наступательный революционный дух.

Петербургские большевики, опираясь на ежедневную массовую газету, старались максимально расширить легальную партийную издательскую деятельность. В январе 1913 года правдистам удалось создать в Петербурге легальное большевистское издательство «Прибой». Центральный Комитет партии осуществлял повседневное руководство издательством через своего представителя в «Прибое» М. А. Савельева. «Прибой» выпустил значительными тиражами ряд работ В. И. Ленина и различные популярные марксистские книги. В частности, был издан «Спутник рабочего на 1914 год» — справочник, предназначенный для партийного актива. Под видом справочного материала в календаре напечатали статью В. И. Ленина «Стачки в России». Календарь был раскуплен в Петербурге за один день, так что в начале 1914 года «Прибою» пришлось выпустить его второе издание, которое разошлось так же быстро.

Большевистский легальный журнал «Просвещение» издавался в Петербурге пятитысячным тиражом. Петербургская часть редколлегии журнала — А. И. Ульянова-Елизарова, М. С. Ольминский, М. А. Савельев (редактор журнала) — поддерживала тесную связь с ЦК РСДРП. В. И. Ленин тщательно продумывал план каждого номера, рекомендовал темы статей, часто сам выступал на страницах «Просвещения». В частности, в журнале были опубликованы такие выдающиеся произведения В. И. Ленина, как «Три источника, три составных части марксизма», «Критические заметки по национальному вопросу» и другие. Журнал по существу являлся

теоретическим печатным органом ЦК РСДРП и сыграл значительную роль в пропаганде марксистской теории, разоблачении оппортунизма, в идейном воспитании партийного актива.

В октябре 1913 года стал выходить журнал «Вопросы страхования», основанный большевистскими депутатами Думы. Для участия в журнале большевистские депутаты пригласили известных писателей — А. М. Горького, В. Я. Брюсова, Д. Бедного. Редактировали журнал видные петербургские большевики — А. Н. Винокуров (д-р Вив), Н. А. Скрыпник (Асник), П. И. Стучка, Н. И. Подвойский. В нем активно сотрудничали рабочие-большевики М. И. Калинин, А. С. Киселев, Н. М. Шверник, приказчики Д. В. Антошкин, М. А. Сейфер. Журнал пользовался огромной популярностью среди передовых пролетариев столицы. Его тираж доходил до 10 тысяч экземпляров.

Все выпускавшиеся большевиками в Петербурге легальные печатные издания («Звезда», «Правда», «Просвещение», «Работница», «Вопросы страхования», студенческий журнал «Утро жизни»), вплоть до узко профессиональных журналов большевистского направления, таких, как «Металлист», «Деревообделочник», «Жизнь пекарей», «Пролетарий иглы», «Текстильный рабочий» и другие, повышали классовое самосознание пролетариата, защищали его от разлагающего влияния оппортунизма, поднимали его на революционную борьбу.

Вторым легальным общероссийским органом партии являлась большевистская фракция в Думе.

Депутатская неприкосновенность в какой-то мере ограждала большевиков от угрозы обыска, ареста и, главное, позволяла относительно открыто общаться с широким слоем рабочих избирателей. Думская группа большевиков в то время была самой открытой ячейкой РСДРП. «Она могла,— писал В. И. Ленин,— говорить всех более «открыто». Она *одна* была легальна и могла говорить легально *об очень многом. Но не обо всем!*» [107].

В середине 1912 года истек срок полномочий III Государственной думы, и с осени началась избирательная кампания в IV Думу. Для большевиков она была сопряжена с неимоверными трудностями, так как действовать приходилось под непрерывным обстрелом

царской охранки. Накануне выборов уполномоченных, в августе — сентябре 1912 года, полиция провела большую «чистку» революционного подполья: сотни передовых рабочих подверглись арестам и высылке из столицы.

Меньшевики были в лучшем положении. Их лидеры Дан и Потресов легально проживали в Петербурге, свободно пропагандировали в буржуазной и ликвидаторской печати свои взгляды, не опасаясь репрессий полиции, вели на заводах и фабриках предвыборную агитацию. Ликвидаторы создали так называемый «Рабочий комитет», который возглавили бывший член ликвидаторской части ЦК, отнюдь не рабочий, П. А. Бронштейн и провокатор В. М. Абросимов. Параллельно возник «Интеллигентский избирательный комитет» во главе с зубным врачом М. Я. Лукомским. Чтобы координировать их действия, был создан еще и «Центральный избирательный комитет» в составе все тех же Абросимова, Бронштейна, Лукомского и нескольких ликвидаторов из рабочих[108]. Все три комитета повели шумную кампанию за избрание в выборщики по рабочей курии Петербургской губернии своих ставленников.

В свою очередь, во время выборов большевики имели сильное оружие, какого не было у них в предыдущую избирательную кампанию. Этим оружием стала «Правда». Она систематически выступала с разъяснениями по различным вопросам предвыборной кампании, настойчиво призывала голосовать за последовательных и стойких демократов, то есть большевиков. Благодаря легальной большевистской печати выборы в Петербурге стали образцом для всего российского пролетариата. «Борьба рабочих за депутатские места от Петербурга,— писал В. И. Ленин,— приобретает безусловно громадное и *всероссийское* значение во всей избирательной кампании в IV Думу»[109].

Для лучшего руководства выборами в Петербурге по указанию ЦК была создана Центральная избирательная комиссия, члены которой распределили свои силы по районам города. Организаторами выборов по районам стали Н. Н. Батурин, А. А. Юрьев, К. Н. Самойлова, Л. М. Михайлов, В. Ф. Малаховский. Непосредственное руководство избирательной кампанией в Петербурге летом 1912 года осуществляли уполномо-

ченная ЦК РСДРП И. Ф. Арманд, а осенью, после ее ареста, И. В. Сталин.

Центральная избирательная комиссия провела в районах ряд нелегальных предвыборных собраний. Под видом прогулок группы рабочих отправлялись в окрестные леса. На «лесных» собраниях разгорались жаркие споры большевиков с эсерами, настаивавшими на бойкоте выборов, и с меньшевиками, которые, прикрываясь фальшивыми фразами об единстве, стремились протащить в уполномоченные своих кандидатов.

17 октября состоялся съезд уполномоченных рабочей курии. На съезде почти единогласно был принят написанный И. В. Сталиным и одобренный В. И. Лениным «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату». И. В. Сталин основательно выправил проект наказа, составленный Центральной избирательной комиссией. Видимо, в проекте имели место уступки ликвидаторам, и И. В. Сталин решительно вытравил из него, как вспоминает путиловец В. И. Савинов, «ликвидаторский дух»[110]. В основу «Наказа петербургских рабочих своему рабочему депутату» была положена резолюция Пражской конференции РСДРП «О выборах в IV Государственную думу». Непосредственное участие в составлении наказа приняли кроме И. В. Сталина члены ПК А. А. Сольц и М. М. Лашевич, а также рабочие-путиловцы, члены Нарвского райкома партии В. И. Савинов, А. Ф. Костюков, В. Я. Мещерский. Хотя наказ был написан применительно к легальным возможностям,— для оглашения на собраниях и опубликования в печати, в нем отчетливо были отражены основные революционные лозунги большевистской партии. В наказе подчеркивалась необходимость использования рабочим депутатом думской трибуны для политического воспитания и организации пролетариата, для подготовки трудящихся к новой революции.

На съезде уполномоченных ликвидаторы прикинулись сторонниками большевистского наказа. Тем самым им удалось обмануть бдительность уполномоченных и добиться избрания трех меньшевиков в шестерку выборщиков по рабочей курии. Между тем твердо выраженная воля уполномоченных, единодушно поддерживавших большевистский наказ, обязывала меньшевиков не выставлять своих кандидатур в депутаты на губернском

съезде выборщиков. Но в погоне за депутатским местом они не посчитались с волей рабочих.

Несмотря на все происки ликвидаторов, избирательная кампания закончилась в пользу большевиков. Депутатом в Думу по рабочей курии Петербургской губернии был избран А. Е. Бадаев. Победа в Петербурге окрылила рабочих и в других местах. В 1912 году впервые за весь думский период все шесть куриальных депутатов от рабочих — А. Е. Бадаев, М. К. Муранов, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов и Р. В. Малиновский * — были большевики. Их избрали шесть ведущих промышленных губерний России, в которых насчитывалось свыше миллиона пролетариев. Семь депутатов-меньшевиков во главе с Чхеидзе были выбраны от непромышленных губерний, в которых рабочих насчитывалось всего 136 тысяч.

Сокрушительное поражение на выборах депутата от рабочей курии в Петербурге привело самих ликвидаторов в замешательство. Ликвидатор В. О. Цедербаум (Левицкий) в письме к П. Б. Аксельроду с горечью писал: «Одно ужасно темное пятно, которое трудно переварить,— это Петербургская рабочая курия. Когда узнали о нем здесь, готовы были скрежетать зубами от ярости и ногти грызть с досады» [111].

Большевистские депутаты — избранники рабочего класса России — высоко держали революционное знамя в черносотенно-буржуазной IV Думе. Думская «шестерка» служила крепким связующим звеном между Центральным Комитетом и ПК. Через А. Е. Бадаева ПК поддерживал тесный контакт с районными партийными организациями столицы и с заводскими ячейками. Как рабочий депутат, А. Е. Бадаев побывал на десятках заводов, беседовал с рабочими, глубоко вникал в их нужды, знал их мысли и надежды. Рабочие имели в его лице горячего защитника, поборника правды, борца за общее пролетарское дело. Большевистская «шестерка» и Петербургский комитет обычно поручали А. Е. Бадаеву с думской трибуны отстаивать революционные требования петербургского пролетариата. Для выступлений он брал один какой-либо конкретный факт —

* Член ЦК, депутат Думы Малиновский, впоследствии разоблаченный как провокатор царской охранки, в мае 1914 года самовольно сложил с себя депутатские полномочия и уехал за границу.

Полицейские выводят депутата-большевика Г. П. Петровского из зала заседаний IV Государственной думы 5 мая 1914 года.

гонение властей на профсоюз, ущемление прав заводских больничных касс, катастрофу на Охтинском пороховом заводе, массовые отравления работниц «Треугольника» — и с думской трибуны ярко обличал полицейский произвол и чудовищную эксплуатацию, царящую на петербургских предприятиях.

В ряде случаев пролетарии тех губерний, где не было рабочей курии, доверяли защиту своих нужд петербургскому депутату. Рабочие Витебской губернии сообщали А. Е. Бадаеву, что их представитель «не смог проникнуть в стены Таврического дворца через изгородь третьеиюньского режима», и просили взять на себя представительство их интересов. Рабочие уполномоченные Курской губернии писали А. Е. Бадаеву: «...поручаем Вам, избраннику петербургских рабочих, и другим членам социал-демократической фракции IV Думы защиту интересов наших избирателей и присоединяемся к наказу, данному вам петербургским пролетариатом» [112].

Внутри думской социал-демократической фракции шла непримиримая борьба между большевиками и меньшевиками. Меньшевистская «семерка», беззастенчиво пользуясь случайным преобладанием в один голос

в дальнейшей деятельности партии. И не случайно В. И. Ленин весьма настойчиво напоминал большевикам об этом опыте именно в один из наиболее ответственных моментов жизни партии, в июле 1917 года, в канун социалистической революции. «Действовать,— призывал тогда В. И. Ленин,— так, как в 1912—1914 гг., когда мы умели говорить о свержении царизма революцией и вооруженным восстанием, не теряя легальной базы ни в Государственной думе, ни в страховых кассах, ни в профессиональных союзах и т. д.» [132].

НА ПУТИ К ВСЕРОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАЧКЕ

Сложное положение, создавшееся в стране с лета 1913 года, свидетельствовало о вызревании глубокого революционного кризиса общенационального масштаба. Царское правительство в ту пору стало явно превращаться в объект игры дворцовой камарильи и «темных сил», на грани политического банкротства очутилась партия октябристов — главная контрреволюционная партия помещиков и капиталистов, внезапно полевевшие кадеты начали заигрывать с революционно-демократическим лагерем и конфликтовать с правительством, правыми и националистами. Либеральная буржуазия с помощью социальной демагогии мечтала «умиротворить революцию», а крепостники, уповая на силу репрессий, хотели ее удушить. Утратив надежду перевести страну на путь буржуазного развития, царизм сделал ставку на «русскую Вандею». С ее помощью он надеялся преодолеть растущую оппозицию буржуазии и подавить революцию. Эта Вандея, по словам В. И. Ленина, состояла из черносотенных помещиков, армии озверелых полицейских, забитых до полоумия военных, одичалых попов, диких лавочников, подлинных отбросов капиталистического общества. Российская Вандея, по ироническому замечанию В. И. Ленина, была столь же схожа с французской Вандеей, сколь сам Николай II походил на Наполеона [133]. И конечно, эта Вандея не смогла бы, как ей мечталось, «посадить на цепь» российскую революцию.

Со второй половины 1913 года революционная активность масс значительно возросла. Забастовки, митинги протеста, демонстрации и другие испытанные

средства пролетарской борьбы принимали с каждым днем все более организованный и боевой характер. Число стачечников в стране в 1913 году достигло двух миллионов, и ведущее место в стачечном движении прочно занимал Петербург. Петербургская губерния в 1913 году дала около половины всех стачечников страны.

Вместе с подъемом рабочего движения росла и крепла Петербургская большевистская организация, умело руководившая всеми формами борьбы рабочих столицы.

Даже охранка откровенно признавала собственную беспомощность. По ее признанию, в октябре 1913 года испытанный прием массовых арестов революционеров — так называемые «ликвидации» оказались бесполезными и даже вредными, «так как в данное время настроение таково, что ликвидация может только ускорить взрыв забастовочного движения» [134]. Массовые административные высылки из Петербурга с «57 пунктами», то есть с запрещением жить в 57 крупных городах и рабочих центрах, стали почти бесплодными. «Масса публики,— отмечала осенью 1913 года газета «Социал-демократ»,— высланная из Питера, перекочевывает в другой район города и продолжает жить. Поражаешься приспособляемости самих массовиков» [135].

Полиция явно начала побаиваться таких акций, как закрытие профессиональных обществ, конфискация рабочих газет, ибо каждое ее репрессивное действие мгновенно вызывало массовый организованный отпор рабочих. В среде предпринимателей также царила полная растерянность. По иронической оценке В. И. Ленина, «господа фабриканты вели себя как совсем безголовые люди» [136]. Они долго не решались в ответ на стачки применять локауты, опасаясь, что рабочие сумеют выстоять в течение длительного срока. Когда же в марте и апреле 1914 года предприниматели решились прибегнуть к этому отчаянному средству, рабочие ответили массовыми политическими демонстрациями. Локауты длились всего несколько дней, а сами предприниматели потерпели от них громадные убытки.

Усердие петербургских промышленников оказалось чрезмерным, и даже министр торговли и промышленности С. И. Тимашев с раздражением заявил, что они

«подлили масла в огонь» разрастающегося стачечного движения [137].

Пытаясь объединить усилия властей и предпринимателей для борьбы с революционным движением, царское правительство решило в октябре 1913 года образовать «Межведомственное совещание по вопросу о забастовках рабочих». Совещание проходило под председательством министра торговли и промышленности. Характерно, что наибольшую озабоченность у участников совещания вызвало состояние рабочего движения именно в Петербурге. В его делах сохранилось несколько любопытных документов, ярко раскрывающих полную растерянность и бессилие «верхов». Один из документов, озаглавленный «О нежелательности дальнейшего роста промышленности в самом городе С.-Петербурге в связи с политическими манифестациями и стачками рабочих», особенно интересен. В нем с тревогой отмечалось, что общее число рабочих в Петербурге достигло одной шестой части всей русской армии. «При дальнейшем быстром росте промышленности в столице, — говорилось в документе, — число это в ближайшем будущем может дойти до совершенно угрожающих размеров» [138]. Авторы данной записки советовали запретить постройку в Петербурге новых заводов и фабрик, резко сократить правительственные заказы петербургским предприятиям, значительно повысить таможенные и железнодорожные тарифы и тем многократно взвинтить стоимость производства, не восстанавливать более предприятия, пришедшие в ветхость, не заменять изношенные машины новым оборудованием. С помощью таких мер мракобесы, засевшие в министерстве промышленности и торговли, намеревались «освободить столицу от элемента, угрожающего ее безопасности», то есть от петербургского пролетариата. В том же случае, если эти меры не удастся провести, авторы записки советовали правительству перенести столицу в другое место.

План этот был явно маниловским, и вряд ли возможно было его осуществить. Однако само появление подобной докладной и ее обсуждение на совещании убедительно свидетельствуют о полной неспособности «верхов» справиться с положением. Кстати, небезынтересно отметить, что спустя три года буржуазное Временное правительство попыталось осуществить на практике идеи, изложенные в данной записке, стремясь эвакуировать петроградские предприятия в глубь страны.

В тогдашнем политическом положении с достаточной определенностью выявилось, что под влиянием объективных факторов массы перешли к состоянию острого недовольства существующими порядками, нетерпимого к ним отношения. Явным стал провал попыток либеральной буржуазии с помощью ликвидаторов подорвать основы классового пролетарского сознания и распространить в среде рабочих России враждебную их коренным интересам реформистскую идеологию.

В этих условиях важно было всесторонне учесть боеспособность ведущих местных партийных организаций, степень их взаимодействия, их возможности обеспечить единовременное политическое выступление рабочих всех основных промышленных центров России. Такую проверку можно было осуществить лишь посредством Всероссийской политической стачки. Именно она слила бы воедино революционные настроения масс с политическими призывами партии, позволила бы преодолеть узкие места пролетарского и общедемократического движений.

Прежде всего таким узким местом была неравномерность стачечной борьбы в отдельных отраслях производства и в отдельных промышленных районах. С достаточной полнотой была выявлена степень реакции пролетариата на революционные выступления в армии и на флоте. Однако неясной оставалась обратная связь, а именно — сколь действенно армия сможет поддержать выступление пролетариата. И наконец, Всероссийская политическая стачка могла подтолкнуть, усилить крестьянское движение, которое все еще оставалось слабым.

Нельзя было медлить с подготовкой и проведением революционной Всероссийской политической стачки, ибо в ряде районов, особенно в Петербурге, бурно нараставшая стачечная активность рабочих, их рвущееся наружу нетерпение могли определить сознательную деятельность революционных сил. А это грозило не революцией, а бунтом, подогревало левоавантюристические настроения и могло привести к разгрому пролетарского авангарда.

Петербургским рабочим предстояло сыграть роль зачинателей Всероссийской политической стачки. В связи

ской организации в начальный период войны оставалось крайне мало литературных сил. Беспрерывные полицейские набеги и «ликвидации» основательно ослабили фабрично-заводские организации, вынудили их действовать сугубо осторожно, уйти в подполье еще глубже.

И все же революционная работа петербургских большевиков продолжалась. На предприятиях сохранились небольшие разрозненные группы большевиков, искавшие связи друг с другом. Они были немногочисленны и объединяли самых передовых и самых стойких рабочих правдистского типа. Для них пока не все было ясно в новой обстановке, они еще не могли дать четких идейно-политических оценок новым общественным явлениям. Но у них был верный классовый подход, ленинская преданность революции. И это позволило им, в общем и целом правильно, ориентироваться в происходящих событиях, определить свои революционные задачи, в нужном направлении влиять на рабочих петроградских заводов и фабрик.

Положение различных большевистских групп в это время можно сравнить с положением отдельных частей и подразделений армии, попавших в окружение. Руководящих указаний «сверху» в это время не поступало. Приходилось самим принимать решения и самим их осуществлять. И если, несмотря на это, передовые рабочие в основном сумели удержаться на верных интернационалистских позициях, то это еще раз подтверждает неоценимое значение многолетней работы В. И. Ленина и его соратников по воспитанию российских рабочих в духе революционного интернационализма.

Одна из таких групп с первых дней войны образовалась из большевиков — слушателей вечерних курсов Лиговского народного дома во главе с опытным революционером-подпольщиком, членом большевистской партии с 1908 года, рабочим поэтом А. И. Машировым (Самобытником), входившим впоследствии в состав Петербургского комитета. Эта группа сложилась из рабочих разных предприятий, хорошо знавших друг друга по совместной учебе на курсах и общественно-политической работе в рабочих организациях. В обстановке временного распада партийных связей они, естественно, потянулись к привычному месту встреч в саду Народного дома. После длительных разговоров и дискуссий

решили оформиться в группу для ведения разъяснительной работы на предприятиях. Решили также силами группы выпустить ряд листовок и газету «Рабочий голос». Избрали руководящий орган — президиум в составе А. Маширова, М. Волкова и И. Козловского. Всего в группу входило 11 человек [27]. Листовки сначала писали от руки, потом размножали на гектографе. Распространяли их главным образом среди призывавшихся в армию, поскольку в Народном доме с началом войны был развернут призывной пункт.

Листовка от 22 июля за подписью «Группа партийных социал-демократов» призывала рабочих укреплять свои классовые организации, вести устную и печатную пропаганду в войсках против милитаризма за демократическую республику, установить тесную связь с рабочей партией [28]. 1 августа 1914 года среди петербургских рабочих была распространена листовка с призывом готовить силы для свержения самодержавия. «Не растрачивать силы в партизанских и частичных действиях, а спокойно и обдуманно укреплять их — вот долг каждого сознательного социал-демократа», — говорилось в ней [29]. Эта листовка была издана уже типографским способом и подписана: «Петербургский комитет Российской социал-демократической партии».

Большую помощь петербургским большевикам в деле налаживания партийных связей и организации партийной работы в первые дни войны оказали члены думской фракции большевиков, и в частности А. Е. Бадаев, которого война застала в Петербурге. В сложившихся условиях члены большевистской думской фракции, как отмечал А. Е. Бадаев во вступительной статье к сборнику о работе членов фракции, поставили перед собой задачу — восстановить разгромленный Петербургский комитет [30]. «Ввиду необходимости как можно лучше законспирировать деятельность Петербургского комитета, — вспоминает он в своей известной мемуарной работе, — новая Исполнительная комиссия ПК была сконструирована в более узком, чем раньше, составе» [31].

Воссозданный в августе 1914 года Петербургский комитет наладил более или менее регулярный выпуск нелегальных листовок, в составлении и литературном оформлении которых активное участие принимали профессиональные революционеры — член РСДРП с 1896 года К. С. Еремеев и проживавший вместе с ним

в Финляндии старейший деятель революционного движения в России М. С. Ольминский.

С июля по октябрь 1914 года в Петербурге было выпущено 9 наименований нелегальных листовок[32], а это означает, что в самый трудный период партийной работы петербургские большевики выпускали листовки в среднем через каждые 10 дней.

Листовки петербургских большевиков звали рабочих, крестьян и другие демократические слои населения к борьбе против войны и царизма. Сентябрьская листовка ПК призывала народные массы «свергнуть кровожадного Николая II, взять управление государством в свои руки»[33]. В листовке, выпущенной в октябре 1914 года, предлагалось использовать полученное оружие для борьбы со своими классовыми врагами[34]. Ноябрьская листовка была адресована студенчеству. Она призывала демократическую молодежь, направляемую в армию, повернуть оружие против своих угнетателей, а студентов, остающихся в тылу, идти в массы, организовывать их и готовиться к революции[35].

Первые антивоенные листовки, выпущенные Петербургским комитетом, районными организациями и отдельными большевистскими группами, сыграли важную роль в революционном и интернационалистическом воспитании рабочего класса. В. И. Ленин высоко ценил работу партийных организаций в этом направлении. «...Несмотря на удесятеренный гнет царского правительства, социал-демократические рабочие России уже издают первые нелегальные воззвания против войны, исполняя долг перед демократией и Интернационалом»[36], — писал он в сентябре 1914 года.

Большое значение для интернационалистического воспитания масс имела проведенная большевиками кампания в связи с «патриотическими» сборами средств в помощь семьям ушедших на войну, которые проводились тогда среди населения различными помещичье-буржуазными организациями. Большевики разъясняли массам, что буржуа и помещики стремятся использовать эти сборы как средство вовлечения рабочего класса в буржуазно-националистическое русло. Они рекомендовали рабочим никоим образом не давать своих средств буржуазно-помещичьим «обществам», создавать только свои рабочие организации для помощи семьям фронтовиков, безработных и политических заключенных. Рабочие так и поступали. ЦО «Социал-демократ» отмечал, что в Петербурге «движение «демократов» за сборы жертвам войны успеха не имеет... В среде рабочих шовинизма совершенно не чувствуется»[37].

Таким образом, несмотря на то, что начало войны круто изменило и многократно усложнило обстановку, несмотря на дикую травлю и преследование петербургских большевиков, они с честью оправдали в этот критический момент звание передового отряда российского пролетариата. С самых первых дней войны они старались поднять рабочих на борьбу против империалистической войны и ее организаторов — царского правительства и империалистической буржуазии. События первых дней войны показали также, что передовая часть петербургского пролетариата сохранила свою верность идеалам партии и вступила в войну под ее революционным знаменем.

ДУМСКАЯ „ПЯТЕРКА" БОЛЬШЕВИКОВ И ПЕТРОГРАДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Важную роль в выступлениях петроградского пролетариата и в деятельности петроградских большевиков в первые месяцы войны сыграла большевистская фракция IV Государственной думы, единственного в это время общероссийского легального центра РСДРП.

Долгое время в нашей исторической литературе был распространен взгляд, согласно которому фракция в организационной системе большевистской партии — после ареста официально избранных и кооптированных членов Бюро ЦК — фактически выполняла обязанности Русского бюро Центрального Комитета[38]. Теперь утвердилась более правильная точка зрения на роль большевистской думской фракции как первого состава Бюро ЦК РСДРП(б) военного времени[39].

Вся деятельность думской «пятерки» большевиков проходила в неразрывной связи с петербургским пролетариатом, в тесном контакте с Петербургским и районными комитетами партии.

Ко времени войны члены думской большевистской фракции накопили немалый политический опыт. Годы участия в революционной борьбе, общение с В. И. Лениным и его соратниками подняли их на уровень поли-

После октябрьских выступлений рабочего класса, когда призрак народной революции встал перед буржуазией во весь рост, лидеры «прогрессивного блока» заговорили более решительно. «Мы дошли до предела», — говорил правый депутат В. В. Шульгин в Государственной думе. «Мы, господа, работать с этим правительством больше не будем», — вторил ему кадет П. Н. Милюков. Усиливался напор рабочего класса на царизм, усиливалась и оппозиционность буржуазии.

Лозунг «правительства доверия» теперь стал казаться буржуазии недостаточным. Однако весь буржуазный лагерь далек был от понимания действительного положения вещей и реального соотношения классовых сил. Среди разных партий и групп этого лагеря шли споры — не будет ли лозунг ответственного министерства слишком радикальным. Конференция партии кадетов осенью 1916 года приняла половинчатое решение — требовать «правительства из лиц, опирающихся в своей деятельности на Государственную думу и проводящих ее программу». Кадеты так и не поняли, что не они и не их политическая казуистика решают судьбу страны. Все зависело от массового рабочего движения, для которого думские лозунги со всеми оттенками, казавшимися кадетам столь важными, ровным счетом ничего не значили. У рабочих был один лозунг — «Долой царизм!».

Последние два месяца 1916 года в рабочем движении Петрограда были относительно спокойными. В ноябре 6 политических и 12 экономических забастовок — не многим более 40 тысяч участников, в декабре — одна политическая и 7 экономических (около 10 тысяч участников) [241]. Но это было затишье перед грозой. После бурных октябрьских событий рабочий класс должен был отдохнуть и набраться сил для новой борьбы. Напряженность ощущалась повсюду, во всех сферах общественной жизни.

К этому исторически переломному моменту единственная в стране партия революции — партия большевиков — стала значительно сильнее по сравнению с тем, чем она была в начальный период войны. В ноябре 1916 года в Петрограде был сформирован новый, третий по счету (за время войны) состав Русского бюро ЦК РСДРП, в который вошли опытные, искушенные в политической борьбе профессионалы-революционеры П. А. Залуцкий, В. М. Молотов и А. Г. Шляпников. Активное

Сердобольская улица, дом № 35. Здесь находилась квартира Д. А. Павлова (№ 4) и помещалось Русское бюро ЦК РСДРП перед Февральской революцией.

участие в работе Бюро приняли Е. Д. Стасова, В. А. Тихомиров, А. И. Ульянова-Елизарова, М. И. Ульянова, Л. Б. Красин, Н. Г. Полетаев, Д. А. Павлов. Квартира Павловых на Сердобольской улице (д. 35, кв. 4) стала штабом Бюро ЦК. Здесь назначались встречи и заседания членов Бюро, хранились печать и небольшой архив [242].

Намного выросла и укрепилась Петроградская организация большевиков. С лета 1915-го до начала 1917 года, то есть за полтора года, число членов организации увеличилось с 500—700 человек до 3000 *, количество райкомов — с 10 до 12, ячеек — с 55 до 115 [243].

* Во втором томе «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (М., 1966, с. 653) указывается, что к началу 1917 года Петроградская организация большевиков насчитывала около 2000 членов. В позднейших публикациях (см.: Петроградские большевики в трех революциях. Л., 1966, с. 133) на основании подсчетов, произведенных И. П. Лейберовым, приводятся более полные данные — около 3000. Эти данные использованы и в настоящей книге. (*Примечание автора*).

Бесперебойно действовал и Петербургский комитет. Несмотря на аресты видных членов ПК — В. Н. Залежского, С. Я. Багдатьева, И. Ф. Егорова (К. Орлова), С. Г. Рошаля, оставшиеся и вновь кооптированные члены успешно решали сложные задачи партийной работы. В состав Петербургского комитета в это время входили: Н. Ф. Агаджанова, А. А. Андреев, С. И. Афанасьев, Н. К. Антипов, Т. В. Барановский, К. Н. Блохин, А. Н. Винокуров, М. И. Калинин (до ареста), Н. С. Комаров, Т. К. Кондратьев, П. Т. Коряков, А. П. Костина (Аня), Ф. А. Лемешев, И. М. Москвин (Приятель), А. К. Скороходов, Н. Г. Толмачев, И. Д. Чугурин, К. И. Шутко, Е. К. Эйзеншмидт и другие. От национальной группы латышей в состав ПК входили П. М. Кимен и Э. Я. Петерсон. От национальной группы эстонцев — С. Фришман, от группы литовцев — П. А. Раводнитис. Все это были надежные, опытные и мужественные руководители.

Связи Петербургского комитета с районами стали более прочными и постоянными. Районные комитеты, несмотря на частые аресты, также действовали бесперебойно: организационные коллегии ПК и райкомов оперативно заменяли выбывших членов новыми — из резерва. Ведущим районом в партийной работе оставалась Выборгская сторона, где насчитывалось 500—600 членов партии. На «Новом Лесснере» было 80 большевиков, на «Старом Лесснере» — 30, «Розенкранце» — 80, «Старом Парвиайнене» — 45, Русско-Балтийском заводе — 30. Выборгскую районную партийную организацию возглавлял член РСДРП с 1902 года, в прошлом сормовский рабочий, ученик ленинской школы в Лонжюмо Иван Дмитриевич Чугурин. В состав Выборгского райкома входили: Н. Ф. Агаджанова (Клавдия Дубровская), П. А. Алексеев, И. Ф. Антюхин, И. Г. Гаврилов, А. П. Ефимов, И. И. Жуков, В. Н. Каюров, Н. И. Кокко, Э. Лиепинь (Женя Егорова), С. С. Лобов, Ф. Н. Нарчук, М. О. Плетнев, Н. Ф. Свешников.

Нарвско-Петергофский район насчитывал 300 большевиков, в том числе организация Путиловского завода — 150 человек, Путиловской верфи — 15, «Треугольника» — 30 и т. д. В райком входили рабочие, ставшие по сути дела профессионалами-подпольщиками: В. П. Алексеев, С. И. Афанасьев, Т. В. Барановский, И. Я. Генслер, Ф. А. Лемешев, Л. М. Тарасова. Василеостровский район объединял около 300 членов партии. В райкоме работали: Г. Н. Адамович, М. С. Иванов-Михайлов, Г. Я. Лиздинь, С. И. Петриковский, В. К. Слуцкая, Э. Э. Эссен. В Петроградском районе было 80—100 членов партии. В райкоме работали такие видные большевики, как М. А. Авилова, К. Н. Блохин, Г. Р. Карманов, П. Ф. Лаврентьев, И. И. Лепсе, А. К. Скороходов, М. И. Титов, М. И. Тылочкин, Ф. Я. Угаров, И. И. Худяков. 40—50 большевиков насчитывал Невский район. В районный комитет входили: Ф. Л. Захаров (Захар Невский) — секретарь райкома, бывший сотрудник «Правды», А. А. Антонов — организатор партячейки Обуховского завода, а также Т. Г. Глазков, А. С. Гундоров, Е. П. Онуфриев. 60—70 членов большевистской партии входили во 2-й Городской район, где основными базами были Франко-Русский завод — 18 человек, Адмиралтейский — 10—12, Высшие курсы Лесгафта — 10 человек. В райком входили рабочие В. Г. Гусев, П. В. Замятин, И. Я. Крутов, Ф. И. Самсонович и курсистки А. Н. Тихомирова и Р. О. Хабас.

Продолжала активно действовать партийная организация 1-го Городского района в составе 40—50 членов партии.

К концу 1916 года успешную работу развернули большевики пригородных районов. В Сестрорецком районе основной базой большевиков был Сестрорецкий оружейный завод. В Сестрорецкой организации насчитывалось 30—40 членов. В районный комитет входили В. П. Иванов, член партии с 1905 года, организатор района, а также А. А. Андреев, А. Д. Андреев, А. А. Емельянов, А. А. Палкин, П. А. Семенов. Коллинскую районную организацию (30 человек) возглавляли М. П. Баклайкин и Т. Н. Конов. Действовали также Шлиссельбургская и Кронштадтская партийные организации. В Объединенном комитете социал-демократической фракции высших учебных заведений руководящую работу вели: В. М. Бакланов, Н. Н. Евреинов, Е. Н. Жданович, Н. И. Иконников, Н. Т. Кононова, Б. Н. Лажина, Н. И. Смирнов, Н. Г. Толмачев.

Под руководством ПК действовали три национальные партийные группы, находившиеся также на правах районных организаций: латышская — 140 членов, 11 кружков (руководящая группа — Я. Берзинь, П. И. Стучка, М. Цислава, Е. Эйзеншмидт), литовская — 66 членов,